

Научно-просветительский журнал
Scientific and Educational Journal

Теология. Философия.
Право.

Theology. Philosophy. Law.

2017 № 2 (2)

www.theophil.ru

- ❖ ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ, ЕЕ
ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ /
Practical Activity in Religious Tradition, its Apologetic, Legal and Moral
Grounds
- ❖ ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОСТИ / Theological Analysis of Actual Problems of Modern Age
- ❖ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
/ The Actual Problems of the Philosophy of State and Law

**Научно-просветительский журнал «Теология. Философия. Право /
Theology. Philosophy. Law»**

№ 2 (2) от 30.06.2017

**Главный редактор – Иванов Александр Михайлович, кандидат юридических наук,
доцент (г. Владивосток).**

Редакция (редакционная коллегия) издания

1. Баранов Павел Петрович, доктор юридических наук (г. Ростов-на-Дону).
2. Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук (г. Тольятти).
3. Каменев Сергей Валентинович, кандидат философских наук (г. Владивосток).
4. Корчагин Анатолий Георгиевич, кандидат юридических наук, (г. Владивосток).
5. Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент (г. Владивосток).
6. Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, кандидат философских наук (г. Владивосток).
7. Мезенцев Иван Валерьевич, кандидат философских наук (г. Владивосток).
8. Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук (г. Ростов-на-Дону).

Редакционный совет

1. Алексеев Алексей Викторович, теолог, юрист (г. Владивосток).
2. Аргудяева Юлия Викторовна, доктор исторических наук (г. Владивосток).
3. Золотухин Иван Николаевич, кандидат политических наук (г. Владивосток).
4. Гордеев Денис Владимирович, старший преподаватель (г. Владивосток).
5. Кравченко Артур Георгиевич, кандидат юридических наук (г. Владивосток).
6. Любашиц Валентин Яковлевич, доктор юридических наук (г. Ростов-на-Дону).
7. Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук (г. Саратов).

Рецензируемый научный журнал «Теология. Философия. Право / Theology. Philosophy. Law»
зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций как сетевое издание.

Свидетельство о регистрации Эл № **ФС77-66963** от 25.08.2016 г.

Учредитель и издатель — Алексеев Алексей Викторович.

Выходит 1 раз в квартал.

ISSN 2541-8947

Материалы статей публикуются в авторской редакции. Авторы несут полную ответственность за подбор и грамотное изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды не обязательно совпадают со взглядами редакции.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная почта редакции: feophill@gmail.com

Номер телефона редакции: + 7 (985) 7217699

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Содержание

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ» ФИЛОСОФИИ С ПРАВОМ ? (слово к читателю второго номера журнала).....4

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ, ЕЕ ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ

Калягин А.Н. Служение епископа в сочинениях святителя Игнатия Антиохийского.....9

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Бондаренко В.В. Проблема ценностного статуса эмбриона в свете религиозно-философской парадигмы.....23

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Громов В.Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект.....44

Корчагин А.Г., Федотова Н.П. Современные тенденции уголовного законодательства и судебного правоприменения и проблемы квалификации преступлений, совершенных в соучастии.....58

Шошин С.В. Некоторые перспективные направления развития теории криминалистики в условиях явлений глобализации.....80

Иванов А.М. О необходимости изучения и преподавания философии права в современном мире.....89

Алексеев А.В. К вопросу о поиске путей решения проблем правопонимания.....101

РЕЦЕНЗИИ

Каменев С.В. Рецензия на статью И.В. Мезенцева «Может ли христианство быть вне философии? Анализ спора о философии между православными и свидетелями Иеговы».....109

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ» ФИЛОСОФИИ С ПРАВОМ ?

(слово к читателю второго номера журнала)

Наш Журнал – научно-просветительский. Это значит, что кроме цели научных исследований по избранным направлениям, мы ставим также цель распространения полученных знаний, в том числе и не в научной среде, а потому стиль изложения некоторых работ может несколько отличаться от строго научного изложения.

Предисловие к первому номеру уделило внимание внутренней связи теологии, философии и права, чтобы читателям и будущим авторам понятнее было направление, в котором мы собрались двигаться, дабы им «случайно» не «сесть не на свой поезд»...

Когда направление и цель известны, мы совершаем более осознанные поступки, подбираем более подходящие слова, облекая в них свои мысли, движущиеся в избранном направлении. Движение, становясь направленным, упорядочивается, что делает расход силы размеренным, целесообразным... Современному исследователю, и более – читателю, в заданных Журналом направлениях, пожалуй, размышления отдельных авторов могут, порой, показаться «непривычными». Согласимся, слово Теология не каждый день у читателя на слуху. А вот Философия и Право встречаются гораздо чаще в повседневной жизни, однако, как правило – врозь, по отдельности. Философия – сама по себе. И Право – само по себе.

Обратив внимание в первом предисловии на внутреннюю взаимосвязь между теологией, философией и правом, мы установили, что осмысление Прямого Пути/Права может нас привести к пониманию бытия. Поэтому, может быть, естественным образом получается, что на первом этапе у нас происходит большее сосредоточение не на осмыслении Первоначала (не на теологии), а на обращении взора на понимание Прямого Пути. Совокупность подходов к пониманию Прямого Пути (Правды/Права), делающих осмысление стройным и

логичным, доступным для восприятия, составила самостоятельную область исследований, на стыке философии и правоведения, которую у нас в стране и в странах Западной Европы (правовая система которых отнесена учеными к романо-германской правовой семье) чаще именуют «Философией права», а в странах, отнесенных к англо-саксонской/англо-американской правовой семье, называют общим словом «Юриспруденция».

Предметом исследований в философии права становится сам Прямой Путь, то есть Право. Выясняется природа, суть этого общественного явления. Исследователи задаются одним кратким вопросом, ответ на который представляет интерес для всех, без исключения, слоев общества - во всех, без исключения, странах: Что такое Право? Все слои общества – законоведы и законодатели, правоприменители и правоохранители, законопослушные граждане, политики, и даже правонарушители, то есть, действительно все, без всякого исключения в любой стране не могут оставаться к этому краткому вопросу равнодушными. Почему? Ведь жизненные установки, цели у всех настолько разные...

Некоторые слои, например, законопослушные граждане, хотят знать суть права для того, чтобы тщательно соблюдать его положения, во избежание наказания. Другие – тоже желают знать право во избежание наказания, но, наоборот, нарушая установленные им положения. Третьи, политики – чтобы управлять поведением первых и вторых, через составляемые политиками положения... Таким образом, вряд ли можно найти такого, кто ни разу в своей сознательной жизни не размышлял о праве, чтобы извлечь из него себе ту или иную пользу. А главная польза, это – избегание вреда. Тем более это происходит в период, когда во всем мире в качестве одного из идеалов демократии провозглашена идея «правового государства». Читателю, может быть, жизненный опыт уже начинает подсказывать, что эту идею провозглашают те, кто стремится к управлению общественным сознанием. «Правовое государство», создается ими и для них, для удержания власти в их

руках. Не верьте этому внушению, дорогой читатель, полностью,... но и не совсем отмахивайтесь от него. А присмотритесь к мнениям ученых, которые изучают право с универсальных позиций, чтобы понять и сделать понимаемым его всеми гражданами, помогая им избегать возможного причинения вреда из-за (вольного или невольного) нарушения установленных положений.

Ясно, что понимание и обеспечение понимания права могут быть различными по многим причинам. Во-первых, в силу различия социальных групп, у которых разный уровень образования, воспитания, общественного окружения, общественных и бытийных целей (включая карьеру и пр.), культуры (Синха, Моравец). Во-вторых, создатели «правового государства» внушают обществу через СМИ определенные стереотипы поведения, которые потом регулируют с помощью системы норм, называемой правом. В последнее время отмечается навязывание стереотипов, более связываемых с мировосприятием западных стран. Хотя, есть основания предположить, что навязываемые ценности просто «приклеивают» к западному образцу жизни, с намерением через их неприятие на Востоке и в России посорить жителей последних с жителями стран запада... Такие тенденции навязывания незападного мировосприятия, выдаваемого за западное, усиливаются (А.И. Овчинников), хотя успеха существенного, а не по рекламам СМИ, они достичь пока не могут. Мы осторожно предполагаем, что и не смогут. Ибо все больше ученых и политиков замечают, что для создания «правового государства» вместо подготовки «знатоков придуманных законов» гораздо важнее подготовка, воспитание «знатоков объективно существующих в окружающем мире закономерностей», которые, собственно и должны бы составлять область права, познание действия единого для всех закона природы. Формальный подход к разработке законов может повлечь за собой (и, на деле, влечет) формальное согласие с ложным мировосприятием. Отсюда ясно, почему в России многие ложные стереотипы поведения, «вбрасываемые» через СМИ как образец для подражания до сих пор «не прижились» (А.И. Овчинников, А.М. Иванов). Более того, если даже некоторые из

российских деятелей от науки, под страхом санкций склонился к участию в системах, выдаваемых свои направления за научное мировоззрение, то это не может, вернее, не должно бы, становиться предметом правового регулирования, ибо наука, регулируемая властью предрешающими, уже утрачивает свое содержание, сохраняя только название «наука». Да, огромные средства правительства западных стран тратят на «развитие» того, что «выдается за науку», но это не приближает результаты их заказных, «грантовых» исследований к Истине, поскольку занимаются не сутью вещей, а «отмыванием» выделяемых грантов... Поэтому иногда создается впечатление, что в России до сих пор нет предложений, формулирующих видение права, адекватно мировосприятию государствообразующего народа. Осмелимся возразить, что есть такие предложения, просто они известны только узкому кругу исследователей.

В предисловии к первому номеру отмечалось, что носители разных языков вкладывают в то или иное название окружающих нас вещей или событий свое мировосприятие, свой мыслеобраз. А ведь мыслеобраз, который создается названием, отражает не только внешнее той или иной вещи, события, но часто проникает и во внутреннее содержание. Отмечалось, что название одной и той же вещи или события на разных языках приоткрывает нам лишь ту или иную грань познания данной вещи или события. Поэтому и связи с конкретным предметом окружающей действительности в наших головах возникают разные, в зависимости от языка, на котором мы это название слышим или произносим. И, хотя, говоря об одном и том же, мы можем оперировать разными мыслеобразами, все же, когда речь заходит об установлении порядка в обществе, то всем становится понятно, что правопорядку соответствуют определенные нормы или положения или установления. Различие в названии и в звучании на разных языках не затмевает главного – идеи порядка.

Каким право предстает в умах представителей различных социальных групп? Как достичь равновесия между взглядами на право у законопослушных граждан и закоренелых правонарушителей? Какими должны быть положения и установления (нормы), чтобы содержание их отражало здравомыслие и адекватное отношение к окружающему миру? Могут ли нормы сами по себе быть нарушаемы безнаказанно, без установления ответственности за совершенное правонарушение? Каким должно быть возмездие за правонарушение, чтобы восстановить равновесие между отдельными гражданами (обидчиком и потерпевшим), между слоями общества, между обществом и государством, между обществом и окружающей средой?... При строительстве «правового государства» подобные вопросы возникают, а от их решения, очевидно, зависит и стабильность в обществе, и взаимоуважение граждан, и преодоление противостояния между обществом и государством... Также очевидно, что способствовать правильным ответам на поставленные вопросы в исследованиях права будет единообразие в понимании явлений окружающего мира. Следовательно, предмет, занимающийся изучением этих вопросов, философия права, должен активно преподаваться на всех уровнях общества, тогда «правовое государство» будет создаваться осознанно и не только со стороны государства, но и каждым членом общества, участником этого строительства. И граждане смогут не понаслышке разобраться в верном соотношении положительного права и естественного...

Таким образом, полагаем, что содержание журнала вновь даст «пищу для размышления» и теологам, и философам, и правоведам, приглашение которым к плодотворному сотрудничеству остается открытым.

*Главный редактор, учредитель
журнала «Теология. Философия. Право»*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ, ЕЕ ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ

УДК 211.5

ГРНТИ 21.31.51

ВАК 26.00.01

СЛУЖЕНИЕ ЕПИСКОПА В СОЧИНЕНИЯХ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ АНТИОХИЙСКОГО

Калягин Алексей Николаевич

доктор медицинских наук, МВА, профессор,

декан факультета повышения квалификации

и профессиональной переподготовки специалистов

Иркутский государственный медицинский университет,

г. Иркутск

e-mail: akalagin@mail.ru

THE ACTIVITIES OF THE BISHOP IN THE WRITINGS OF IGNATIUS OF ANTIOCH

Alexey N. Kalyagin

Doctor of Sciences (Medicine), MBA, Professor,

Dean of the Faculty of advanced training and retraining of specialists

Irkutsk State Medical University

Irkutsk

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена исследованию жизни и эпистолярного наследия одного из отцов ранней Церкви – Игнатия Антиохийского, прозванного Богоносцем. Образ Игнатия – это образ мученика, пронесшего искреннюю и беззаветную любовь к Богу через всю свою жизни

и, в особенности, через наиболее тяжёлые дни жизни. Им были определены понятия института епископства, значение евхаристического собрания христиан, отношения Поместных церквей и Вселенской церкви и многое другое. Особое внимание уделяется определению особого статуса епископа как образ Христа Спасителя, выделяются требования к личности епископа, его нравственному, духовному облику, а также необходимость подчинения ему и уважения его роли в Церкви.

ABSTRACT

The work deals with life and epistolary heritage of one of the fathers of the early Church – Ignatius of Antioch, called Antioch. Ignatius image - an image of a martyr, swept a sincere and selfless love of God throughout his life and, in particular, through the most difficult periods of life. He defined the concept of the Institute of the bishopric, the value of the eucharistic assembly of Christians, the relationship of the Local Churches and the universal Church, and more. Particular attention is paid to the definition of the special status of the bishop as the image of Christ the Savior, allocated to the individual requirements of the bishop, his moral and spiritual appearance, as well as the need to obey him and respect his role in the Church.

Ключевые слова: Игнатий Антиохийский; Игнатий Богоносец; Христианская Церковь; епископ; архиерей; служение епископа; экклесиология.

Keywords: Ignatius of Antioch; Ignatius of Antioch; the Christian Church; Bishop; ecclesiology.

Патрологические исследования являются одним из ключевых подходов, позволяющих понять формирование современной структуры Христианской Церкви, ее исторические и богословские основы. Ярким представителем эпохи Отцов Церкви является святитель (свт.) Игнатий Антиохийский.

Свт. Игнатий Богоносец и его время.

Святитель Игнатий, епископ (еп.) Антиохийский, по преданию был тем самым ребёнком, которого Христос принял на руки и поставил среди учеников со словами: «И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18:5). Именно этот факт, как считается, послужил основанием для прозвания «Богоносец» (Θεοφόρος) [1, С. 75; 2, С. 684]. Хотя по другому

представлению это наименование было дано ему за жизнь в Боге и искреннюю любовь к Нему [3, С. 113].

Будучи юношей, Игнатий часто встречался с апостолом Иоанном Богословом, а также со своим соучеником св. Поликарпом. Несколько позднее он стал преемником в архиерейском служении свт. Евода Антиохийского.

Большую просветительскую роль играл еп. Игнатий во время гонений императора Домициана (81-96 годы), он проповедовал держаться Христа при любых условиях, претерпеть скоротечные муки ради достижения жизни вечной. Его собственным искренним желанием было как можно скорее встретиться и соединиться с Христом, приняв Его образ смерти. Однако паства тщательно берегла сведения об их епископе, и Игнатий не пострадал во время этих гонений, по поводу чего был нимало огорчён. Его переполняла глубокая убеждённость, свойственная для всех представителей того времени, что только венец мученичества способен привести ко Христу [4, С. 12; 5, С. 147].

Сбережение святителя сыграло большую роль для Антиохийской Церкви, т.к. стал формировать принципы церковного устройства того времени, ведь к этому моменту все апостолы уже умерли. Его деятельность постоянно показывала, что Святой Дух, сошедший на апостолов в день Святой Пятидесятницы, пребывает в Церкви неизменно, проявляясь через епископов.

Твердые слова Игнатия были слышны не только в Антиохии, но и в других поместных Церквях, которые представляли собою лишь небольшие христианские общины. Об этом свидетельствуют его многочисленные эпистолярные труды, обращённые к Смирнской Церкви, Ефесской Церкви, Римской Церкви и т.д. Он убеждал и уговаривал всех христиан жить в любви и единомыслии под властью своего архиерея, который является образом Самого Христа, священника по чину Мельхиседекову. Он утверждал, что только тогда существует Церковь, когда все собираются вокруг пастыря и пастыреначальника, вместе совершают Святую Евхаристию, «преломляя один хлеб, который есть средство от согрешений и противоядие от смерти, ради жизни вечной во Христе Иисусе» [2, С. 688].

Свт. Игнатий Богоносец изложил и расширил еkkлесиологию (учение о Церкви), которую начал формировать ап. Павел. Им были определены понятия института епископства, значение евхаристического собрания христиан, отношения Поместных церквей и Вселенской церкви и многое другое.

В 98 году императором стал Троян, который первоначально направил своё внимание на военную мощь Рима, военные действия с варварами, которые тревожили государственные границы. Однако ратные подвиги над даками вдохновили его на возвеличивание собственного достоинства, он решил укрепить культ императора, который считался языческим богом в Риме уже при жизни. Недостаточное внимание к культу императора грозило римским гражданам смертью [2, С. 687-688; 6, С. 54-55].

Во время перемещения войск в Армению и Парфию император Троян посетил Антиохию, стараясь преследовать в ней местных христиан. Свт. Игнатий посчитал своим долгом не скрываться от преследователей, а открыто явиться к ним. Во время визита к императору он исповедовал Единого Бога-Творца, а также Его Единородного Сына, а также постарался преодолеть языческие представления у самого императора, увещевая и уговаривая его отказаться от своих языческих религиозных представлений. Троян был взбешён и потребовал ответа: «Не ученик ли ты Того, Кто был распят при Понтии Пилате?» На это бесстрашный епископ ответил: «Я ученик Того, Кем мои грехи пригвождены ко Кресту и Кем низложен диавол и все его козни». Императора продолжил допрос: «почему тебя называют Богоносцем?», на это смиренный святитель ответил: «Потому, что я ношу в себе живого Христа!». Вердикт императора был суров: заковать Игнатия в цепи и отвести в Рим, чтобы там, на арене цирка, предать на растерзание львам на потеху толпы. Дискутируется время казни Игнатия, в ряде источников обсуждается 107 год (ранний период гонений Трояна), а ряд – интервал между 110-117 годами (поздний период гонений Трояна) [3, С. 117; 7, С. 125]

Радостными украшениями стали для Игнатия Богоносца тяжёлые цепи, сковавшие ему руки и ноги. Он именовал их «драгоценнейшими духовными

перлами» [8:11], через них он желал получить вечную жизнь со Христом. Путь в Рим в окружении десятка жестоких конвоиров, которых он звал «леопардами» за жестокое обращение с узниками, казался ему необыкновенной радостью. Он как молодой жених стремился на встречу к любимой невесте, преодолевая томящее его желание. Именно так он переживал эту смертельную и тяжкую дорогу под лучами палящего солнца, без воды и с ограниченным количеством еды, дорогу в Рим на казнь. Не смотря на тяжкие стенания многочисленных последователей Игнатия, он молил их не ронять слёз, а только радоваться и петь вместе с ним. Любовь ко Господу, вера в Его святую волю, служили ему путеводной звездой, компасом надежды.

По пути свт. Игнатий был доставлен в Смирну, где имел общение со свт. Поликарпом, епископом этого города, его ближайшими учениками и подвижниками, а также с посланцами других Церквей, глубоко уважавших и чтивших Игнатия Богоносца. Среди посетителей были Онисим, епископ Ефесский, Дим, епископ Магнесийский, Поливий, епископ Тралльский. Он просил своих добрых друзей подражать Христу в кротости и смирении, не сопротивляться гонителям и мучителям. Искренность слов святого, идущего на муки, поражала всех и воспринималась как радость.

Из Смирны свт. Игнатий Богоносец направил послания всем знавшим его христианским общинам, послания полные нежности, любви, но и пастырской строгости и наставлений. Особое письмо им было направлено римским христианам, которые намеревались освободить его от пут и мученической гибели. Он просил оставить его учеником Христа, говорил об отсутствии пламени любви к бренному миру. Он просил претерпеть муки по примеру Господа Иисуса Христа.

После Смирны свт. Игнатия конвоировали в Троаду, куда ему сообщили, что гонения в Антиохии завершились. В ответ епископ Антиохии вверял свою паству заботам свт. Поликарпа.

Вслед за Троадой Игнатия конвоировали в Неаполь Македонский, затем в Филиппы, Диррахий, а потом на корабле – в Италию. Долгая дорога утомила

святителя, он был тепло принят христианами Рима, но их тяготила печаль, что светоч Христова учения в лице Игнатия, примет кончину [2, С. 689].

Как и Христос, Игнатий шёл с Востока, как светило Востока, завершающее свой путь на Западе, в столице Западного мира – Риме. Его путь к месту казни был смел и полон готовности. В послании к римлянам Игнатий пишет: «Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня. Я заману их, чтоб они тотчас же пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, – я их принужу» [9:5]. Он видит в мучениках пшеницу Божию («Я пшеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым») [9:4], основу христианской Церкви, являющейся телом Христовым.

Свт. Игнатий отличается простотой и искренностью представлений. Он с готовностью принимает мучения за Христа, т.к. такая участь постигла Самого Христа и апостолов, он полагает, что это судьба истинных христиан. В то же время он отмечает, что мученичество – это основа устройства Христовой Церкви.

Смерть наступила быстро, голодные звери обглодали тело до костей, а эти кости – святые мощи святителя были тайно собраны христианами и вначале хранились в Риме, а затем доставлены в Антиохию. Путь следования мощей был наполнен радостью и любовью, будто сам епископ, обосновавший и укрепивший статус этого церковного служения, двигался по этому пути [2, С. 690-691].

В 108 году святые мощи священномученика Игнатия Богоносца были перенесены и положены за Дафийскими воротами в предместье Антиохии. Император Феодосий II (408-450 годы), освятив древнейший языческий храм Фортуны в честь святого Игнатия, приказал перенести его мощи в Антиохию, это второе перенесение было совершено в 438 году. Дата перенесения празднуется Церковью 29 января. После взятия города персами мощи свт. Игнатия были возвращены в Рим и положены в храме в честь

священномученика Папы Климента в 540 году (по другим источникам, в 637 году).

Вселенская Церковь практически внеконфессионально чтит память свт. Игнатия Антиохийского [4; 10; 11; 12]. В частности, в Русской Православной Церкви ему посвящён такой тропарь, читаемый в день его памяти: «Апостольских нравов подражателю и престола их снаследниче, архиереев удобрение и мучеников славо, Богодухновенне, на огонь, и меч, и звери дерзнул еси веры ради и, слово истины исправляя, до крове пострадал еси, священномучениче Игнатие, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Сочинения свт. Игнатия Богоносца.

Святителя Игнатия относят к категории христианских апологетов, защитников веры, сражавшихся с гностическими учениями и любыми искажениями в христианском учении. К числу апологетов, наряду с ним относятся и др. Кондрат, Аристид, Афинагор, Иустин Философ, Ириной Лионский, Климент Александрийский, Ориген, Тертуллиан и др. [13, С. 236; 12, С. 35-52].

Кроме того, Игнатий – это один из авторов концепции Церкви, которая формировалась именно в первые века христианства. Его можно поставить рядом с ап. Павлом, а также христоролюбивыми императорами и патриархами более поздних эпох.

Корпус сочинения свт. Игнатия, дошедший до нашего времени, включает в себя послания к ефесянам, магнезийцам, римлянам, смирнянам, триллийцам, филладельфийцам, а также св. Поликарпу Смирнскому [8-9, 14-18]. Все они были написаны по дороге из Антиохии в Рим, т.к. святитель стремился шире распространить свои мысли и подобно апостолу-экклесиологу Павлу писал послания Церквам из уз. Фактически Игнатий находится в состоянии глубокого внутреннего напряжения, усиленного горячим восточным темпераментом. Он сосредоточен на двух важных вещах: пламенном распространении Благой Вести и радостном ожидании близкой встречи со Христом.

Каждое из посланий можно представить в виде следующих блоков:

- 1) Приветствие и похвала всем ученикам, друзьям и знакомым представителям данной общины;
- 2) Основная часть, включающая важнейшие вероучительные истины, их разбор и обоснование;
- 3) Прощание, пожелания здоровья и просьбы о молитве за самого Игнатия и оставленную им паству в Антиохии и Сирии.

Все сочинения в более позднее время были разделены на главы, чтобы обеспечить возможность осуществления ссылок и облегчить поиск необходимого тематического фрагмента, т.к. каждая глава была снабжена заголовком.

Темы, которые поднимает свт. Игнатий, отличаются разнообразием. Одной из важнейших является тема веры во Иисуса Христа, он активно призывает к ней, говоря, что только через веру в крестную жертву можно заслужить прощения («Мой дух – в прах пред крестом, который для неверующих соблазн, а для нас спасение и вечная жизнь»). Он утверждает божественную и человеческую природу Христа задолго до соответствующих решений соборов: «Ибо Бог наш Иисус Христос, по устройению Божьему, зачат был Мариєю из семени Давидова, но от Духа Святого» [8:18].

Вслед за ап. Павлом свт. Игнатий предостерегает от ложных учений, лжеучителей и лжепророков. «Некоторые пришли оттуда к вам с злым учением» [8:9], – говорит он и хвалит смирян за то, что они устояли и стали ему поддаваться.

Другой важной темой является указание на необходимость регулярной молитвы, а также регулярного совершения богослужений. Польза от частых богослужений заключается в том, что «низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются губительные его дела» [8:13]. Обращается внимание на лжеучителей, про них сказано: «если кто злым учением растлевает веру Божью», то «как скверный, пойдет в неугасимый огонь, равно как и тот, кто его слушает» [8:16].

Часть посланий свт. Игнатия посвящена эсхатологическим ожиданиям. Он утверждает, что «Уже последние времена. Устыдимся, устрашимся долготерпения Божьего, чтобы оно не послужило нам в осуждение» [8:11]. Иначе говоря, святитель говорит о том, что уже сегодня нужно жить как в последние времена, в строгости, высокой нравственности, чтобы не устыдиться Господа.

Наряду с этими темами, он поднимает вопросы о Таинствах, церковном единстве и многих др. актуальных моментах [19, С. 147]. Квинтэссенцией, которая обращена к каждому христианину, служит завет свт. Игнатия: «Крещение пусть остается с вами, как щит; вера – как шлем; любовь – как копье; терпение – как полное вооружение» [15:6].

Служения епископа в сочинениях свт. Игнатия Богоносца.

Во всех дошедших до нашего времени сочинениях свт. Игнатия Богоносца, кроме послания к римлянам, обсуждается роль епископов. Это центральный вопрос, потому что ссылка к этому отцу Церкви является постоянным компонентом всех работ на протяжении двух тысячелетий, касающихся архиерейского служения. Ярким примером тому служит недавняя статья мтрп. Волоколамского Иллариона (Алфеева), опубликованная в журнале «Церковь и время» [20, С. 15].

В лице епископа свт. Игнатий видит в епископе Самого Христа, Сына Бога Отца. Других же клириков он сравнивает с заповедями Христа (диаконы) и сонмом апостолов (пресвитеры) [17:3]. Эти яркие аллегории демонстрируют глубокую продуманность церковных статусов и их значимость в экклесиологии. Именно им впервые вводится термин «кафолическая» по отношению к Церкви [1, С. 77; 21, С. 61].

Епископский статус сам по себе, через переданную благодать Святого Духа, уже является мерилом власти в церковных делах. Этому не препятствует возраст или небольшой опыт церковной жизни. В послании к магнезицам он пишет: «И вам надобно не пренебрегать возрастом епископа, а, по силе Бога Отца, оказывать ему всякое уважение, как я заметил во святых пресвитерах

ваших, что они не смотрят на видимую молодость его, а как богомудрые, повинуются ему, впрочем, не ему, но Отцу Иисуса Христа, епископу всех» [14:2]. Важным в принятии епископского статуса является отсутствие гордости или желания славы: «епископ ваш не сам собой и не чрез людей принял это служение обществу верующих, и не из тщеславия, но по любви Бога Отца и Господа Иисуса Христа» [18:1].

Главная сила епископа, по мысли свт. Игнатия Богоносца, заключается в силе Избравшего Его: «в честь Того, Который возжелал его, нам надобно повиноваться без всякого лицемерия; потому что такой обманывает не этого, видимого епископа, но невидимого» [11, 2]. Не менее чётко он определяет и властные полномочия епископа: «всякого, кого посылает домовладыка для управления своим домом, нам должно принимать так же, как самого пославшего» [8:6].

Высочайшей добродетелью епископа считает свщм. Игнатий его молчание, являющееся свидетельством кротости и примером для других людей, членов христианской общины. Говоря об епископе филиладельфийцев он отмечает «Я поражен его кротостью: он в молчании сильнее тех, которые говорят пустое. Ибо он так согласен с заповедями, как струны в цитре. Поэтому ублажает душа моя его благочестивое расположение, находя его чистым и совершенным, – и его непоколебимость и незлобие во всякую кротостью Бога живого» [18:1]. Однако молчание, это не только признак кротости, это ещё и свидетельство глубоких переживаний за людские грехи, предстоящие перед ясным взором епископа, прозревающего человеческие души: «И чем более кто видит епископа молчащим, тем более должен бояться его» [8:6].

Игнатий Богоносец призывает христиан твёрдо и уверенно следовать за своим пастырем, избранным Христом на ответственное служение: «Итак, чада света и истины, бегайте разделения и злых учений, но пастырь, туда и вы, как овцы, идите. Ибо многие волки, по-видимому, достойные доверия, посредством губительного удовольствия пленяют идущих путем Божиим; но при единении вашем они не будут иметь места» [18:2]. В пути за пастырем, не стоит

увлекаться ложными учениями, сомнительными подходами, неверными ориентирами, пастырь, благодаря постоянной заботе о чистоте своей веры, идёт верным путём. Об этом благочестивом епископе, проводнике истинного христианского учения и высокой нравственности свт. Игнатий говорит: «Поэтому ублажает душа моя его благочестивое расположение, находя его чистым и совершенным, – и его непоколебимость и незлобие во всякую кротостью Бога живого» [18:1].

Одним из центральных направлений является повиновение епископу: «Посему необходимо, как вы и поступаете, ничего не делать вез епископа. Повинуйтесь также и пресвитерству, как апостолам Иисуса Христа – надежды нашей, в Котором дай Бог жить нам. И диаконом, служителям таинств Иисуса Христа, все должны всячески угождать, ибо они не служители яств и питий, но слуги Церкви Божией, поэтому- то и им должно беречься от нареканий, как от огня» [18:2].

Совершенно особенным является описание служения епископа в послании свт. Поликарпу Смирнскому. Если в других своих посланиях Игнатий Богоносец обращается к пастве, то в данном сочинении он пишет самому архипастырю.

Он призывает епископа к трудам и непрерывному духовному возрастанию: «Старайся о единении, лучше которого нет ничего. Снисходи ко всем, как и к тебе Господь. Ко всем имей терпение в любви, как ты и поступаешь. Пребывай в непрестанных молитвах. Проси большего разумения, нежели какое имеешь. Бодрствуй, стяжав неусыпный дух. Говори с каждым как поможет Бог. Носи немощи всех, как совершенный подвижник. Где больше труда – там больше и приобретения» [15:1].

Крепости и твёрдости просит Игнатий у каждого епископа в лице Поликарпа: «Стой твердо, как наковальня, по которой бьют. Великому борцу свойственно принимать удары и побеждать. Особенно же для Бога мы должны все терпеть, чтобы и Сам Он терпел нас» [15:3].

Таким образом, в сочинениях свт. Игнатия Богоносца перед их читателем предстаёт образ епископа во всей его красе, как образ Христа Спасителя, выделяются требования к личности епископа, его нравственному, духовному облику, а также необходимость подчинения ему и уважения его роли в Церкви.

Заключение.

Святитель Игнатий Богоносец – это образец истинного пастыря, воспитанный в теплой вере во Христа с ранних лет, он молодым стал пастырем и архиереем в Антиохийской Церкви, ставшей впоследствии одним из духовных оплотов, школой христианского богословия. Вероятно, его сочинения и высокий статус кафедры немало послужили этому основой.

В то же время, Игнатий продемонстрировал свою глубокую веру мученической кончиной с именем Христа на устах и радостью в сердце, что он может быстро встретиться со Христом.

Важным содержанием его служения стал корпус сочинений (посланий), адресованный христианским общинам, одно из центральных мест в них занимает вопрос о служении епископа.

Список литературы

1. Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Изд. 5-е., перераб. и доп. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. 1024 с.
2. Симонопетровский М., иеромонах. Синаксарь: Житие святых Православной Церкви. В 6 т. Т. 2. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. С. 685-691.
3. Епифанович С.Л. Лекции по патрологии (Церковная письменность I-III веков): Курс лекций, читанных студентам Киевской Духовной Академии. СПб.: Воскресение, 2010. С. 112-135.
4. Амман А. Путь отцов: Краткое введение в патристику. М.: Пропилеи, 1994. С. 11-22.

5. Куляскина И.Ю. Религиозно-культурный смысл мученичества эпохи первохристианства // Религиоведение. 2014. Т. 2. С. 145-154.
6. Смирнов Е.И. История христианской церкви. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. 768 с.
7. Сидоров А.И. Святоотеческое наследие и церковные древности. Т. 2.: Доникийские отцы Церкви и церковные писатели. М.: Сибирская Благовонница, 2011. С. 123-139.
8. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесянам // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 331-340.
9. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к римлянам // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 352-357.
10. Бенедикт XVI Отцы Церкви: От Климента Римского до святого Августина. М.: Изд-во ББИ, 2012. С. 10-14.
11. Брент А. Игнатий Антиохийский: Епископ-мученик и происхождение епископата. М.: Изд-во Библиейско-Богословского института, 2012. 188 с.
12. Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви. 3-е изд., исправ. и доп. М.: Паломник, 2011. 544 с.
13. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. I-II. Введение в церковную историю. История Церкви в период до Константина Великого. 2-е изд. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. 576 с.
14. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к магнезийцам // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 341-346.
15. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к св. Поликарпу Смирнскому. // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 308-370.
16. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к смирнянам // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 364-369.
17. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к траллийцам // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 347-351.
18. Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к филладельфийцам // Писания мужей апостольских. М., 2008. С. 358-363.

19. Легеев М.В. Евхаристические образы у св. Игнатия Антиохийского // Христианское чтение. 2010. №2. С. 145-147.
20. Алфеев Г.В. Порядок избрания архиереев в современной практике поместных православных церквей. // Церковь и время. 2014. №2. С. 15-48.
21. Холл С.Дж. Учение и жизнь ранней Церкви. Новосибирск: Посох, 2000. С. 41-55.

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 17; УДК 211.5

ГРНТИ 21.31.51; 21.31.41

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Бондаренко Виктория Викторовна

канд. мед. наук

Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток

THE PROBLEM OF THE VIBRATIONAL STATUS OF EMBRYON IN THE LIGHT OF THE RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL PARADIGM

Victoria V. Bondarenko

candidate of medical sciences

Far eastern federal university,

Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В статье сопоставлены возможности решения этико-медицинских проблем репродукции человека в контексте философско-антропологических представлений православия и католицизма, а также либеральной и консервативной традиций. Автор, конкретизируя подходы в определении личностного статуса эмбриона, раскрывая библейское и патристическое понимание института брака, его метафизических оснований, приходит к выводу о том, что медицинская этика с необходимостью может и должна учитывать аргументы, основанные на метафизических представлениях.

ABSTRACT

The article compares the possible solutions to the ethical-medical problems of human reproduction in the context of philosophical-anthropological ideas of Orthodoxy and Catholicism, and liberal and conservative traditions. The author, clarifying approaches in determining the personal status of the embryo, revealing the biblical and patristic understanding of the institution of marriage, its metaphysical foundations, he comes to the conclusion that medical ethics with the need can and should consider the arguments based on metaphysical ideas.

Ключевые слова: эмбрион; личность; аборт; биомедицинские технологии; стволовые клетки; православная церковь; римско-католическая церковь; жизнь.

Key words: embryo; personality; abortion; biomedical technology; stem cells; Orthodox Church; Roman Catholic Church; life.

Наша современность характеризуется продолжающимся конфликтом «прав», «принципов», которые причудливо вплетаются в нить культурных норм и человеческих жизней. Каждая из них имеет свои основания, свою традицию. Христианская опирается на моральные ценности религиозной культуры. Светская отстаивает принцип автономности личности. Противостояние либеральной и консервативной ценностно - мировоззренческих ориентаций перешло в качественно иную, и можно со всей определенностью утверждать - завершающую стадию.

Новейшие биомедицинские технологии и их логическое продолжение - конвергентные технологии, как никакое другое направление научно-технического прогресса, обнажают связь между достижениями научного знания и падением ценности человеческой жизни [25, с.129]. Для общества, где большинство населения идентифицирует себя с православной культурной традицией, становится актуальной социальная потребность в развитии диалога и дискуссий по проблемам биоэтики [26, с. 82-90]. Сегодня мы наблюдаем процессы, объективно свидетельствующие о центробежных тенденциях в сфере межконфессионального диалога, и, прежде всего, по вопросам биоэтики. Как недавно было заявлено Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, «Отношения между Московским патриархатом и Римско-

католической церковью приобретают в последние годы положительную динамику. В этих взаимоотношениях присутствует ясное осознание необходимости объединения усилий православных и католиков для защиты традиционных христианских ценностей и противостояния таким вызовам современности, как либеральная секуляризация, дискриминация христиан, кризис семейных отношений, подрыв основ нравственности в личной и общественной жизни» [10].

Предстоятель Русской Православной Церкви подтвердил, что эти обстоятельства стали главным поводом для его встречи с папой Римским Франциском 12 февраля 2016 г. на Кубе [там же]. В подписанном по итогам встречи Совместном заявлении констатируется, что, объединяя усилия, христианские церкви смогут гораздо эффективнее исполнять свое призвание в мире [28, с. 38].

Вопросы этики искусственного оплодотворения относятся к началу человеческой жизни. Но если в случае аборта врач и женщина вступают в моральное отношение с человеческой жизнью сроком в несколько дней, недель, месяцев, то в случае искусственного оплодотворения это отношение не столько к началу уже существующей жизни, сколько к возможности самого ее начала. И если аборт, контрацепция, стерилизация - это борьба против человеческой жизни, то искусственное оплодотворение - это борьба за возможность ее возникновения. Эксперты отмечают, что в этой «борьбе» искусственный аборт и искусственное оплодотворение тесно связаны между собой: практика искусственного аборта поставляет пациентов для практики искусственного оплодотворения. Так, по некоторым данным, распространенность аборта как одного из способов планирования семьи ведет к росту вторичного (приобретенного) бесплодия. Эпидемия абортов 2-й половины XX в. исторически и логически связана с разработкой методик искусственного оплодотворения [24, с.38].

Первые опыты по искусственному осеменению женщин, страдающих бесплодием, были предприняты в Англии еще в конце XVIII в. Прорывом в

технике вспомогательной репродукции стал метод экстракорпорального оплодотворения с последующим переносом эмбриона в матку, который впервые удалось применить на практике в 1978 г. Развитие репродуктивных технологий позволило использовать такие возможности, как донорство яйцеклеток или оплодотворенных эмбрионов, вынашивание эмбриона женщиной реципиентом или «суррогатной матерью», которая обязуется «вернуть» рожденного ею ребенка «генетическим родителям» или иным лицам, заключившим с нею контракт. Неизбежная коммерциализация отношений, связанных с донорством половых клеток и эмбрионов, поставила вопрос о «праве собственности» на человеческий эмбрион.

Кроме того, напряженные дискуссии породил вопрос о статусе эмбриона, о юридических и этических границах допустимого в экспериментах над ним. В жидком азоте хранятся тысячи и тысячи «лишних» эмбрионов, которые были заготовлены для имплантации в матку на случай неудачи предыдущих попыток. Как поступать по истечении «срока хранения»? Оправдано ли использовать человеческие эмбрионы в научно-исследовательских, терапевтических или промышленных целях? Насколько допустимо прибегать к предимплантационной диагностике с целью выявления возможных генетических дефектов или определения пола будущего ребенка? Допустимы ли генетические манипуляции с целью появления на свет ребенка с желательными для родителей качествами? Относятся ли так называемые «репродуктивные права», то есть право иметь детей, и притом в произвольно определенном количестве, к числу неотъемлемых прав человека? Должны ли быть наделены этими правами лица, принадлежащие к сексуальным меньшинствам? Насколько допустима гормональная гиперстимуляция женщины, которая проводится с целью одновременного получения большого количества яйцеклеток и, как было доказано, существенно повышает риск раковых заболеваний, приближает наступление климактерического периода?

В мире сложилось отношение к человеческой жизни как к продукту, который можно выбирать согласно собственным склонностям и которым

можно распоряжаться наравне с материальными ценностями. Основной принцип либеральной позиции по отношению к искусственному оплодотворению - это «право каждой женщины иметь ребенка». Основанием этого права в рамках либеральной идеологии является естественно-биологическая функция деторождения. Симптоматично, что в трех фундаментальных типологических моделях искусственного оплодотворения оно никогда не являлось самоцелью, но всегда выступало лишь средством для решения другой задачи - задачи совершенствования человека. Эта задача ставится и в селекционно-зоотехнической модели. Эта задача стоит и в научно-мифологической (фантастической) модели (создание искусственного человека-гомункула, искусственного интеллекта и т.п.). Сразу отметим, что с точки зрения альтернативной парадигмы – христианской, для цели совершенствования и таким образом спасения человека совершается и непорочное зачатие Богородицы.

Долгие годы идея экстракорпорального оплодотворения, «питаясь» технологическими изобретениями, социальными потребностями, «гуманистическими» прожеками, оставалась в поле теоретической и экспериментальной деятельности. В 1944 г. было достигнуто первое успешное культивирование ооцита человека и экстракорпоральное оплодотворение, приведшее к развитию двухклеточного эмбриона [17, с. 7-8]. Оценка эффективности этого метода у разных специалистов не совпадает. Отечественные исследователи склоняются к цифре -10-18% [19, с.71]. Несмотря на ряд обнадеживающих результатов, в исследовании В. Бахтиаровой приведены следующие данные: «Аномалии развития, сопровождавшиеся грубыми повреждениями ЦНС, сердца и других жизненно важных органов, гораздо чаще обнаруживались у новорожденных после искусственной инсеминации (12% по сравнению с 1%)». Из общего числа исследованных детей, зачатых методом искусственного оплодотворения, задержка внутриутробного развития наблюдалась у 28.3%, асфиксия при рождении – 90.5%, неврологические изменения – 38.3% [20, с. 150].

Непрерывное совершенствование репродуктивных технологий – показатель эпохи. Если беременность после переноса эмбриона женщине в одном цикле не наступила, в последующем делаются повторные попытки. При этом женщине можно перенести эмбрионы, оставшиеся не использованными. «Невостребованные» эмбрионы сохраняют методом криоконсервации. Время сохранения таких эмбрионов во многих странах законодательно устанавливается от 5 до 10 лет. Если сохраняющиеся эмбрионы уже не требуются для данной женщины, только она (или данная супружеская пара) распоряжается дальнейшей судьбой эмбриона: передать его другой женщине, разрушить или разрешить проведение исследований с эмбрионом.

В соответствии с международными рекомендациями и законодательством, цели исследований на эмбрионах человека должны быть строго регламентированы [14, с. 115 – 116]. Прежде всего, согласно пункту 2 статьи 18 Конвенции о правах человека и биомедицине (1996), «запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях». Т. е. создание эмбрионов человека Конвенция допускает только для терапии бесплодия¹. Помимо терапевтических (то есть лечения самого бесплодия) допускают использование эмбрионов человека для диагностических целей и эксперимента – внутриматочной генной терапии [11, с. 13 – 14].

Относительно использования эмбрионов человека в эксперименте, т. е. в научно-исследовательской деятельности, позиции также различны. Определение предельного возраста эмбриона, допустимого для использования в эксперименте, как правило, периодом от момента оплодотворения (стадия зиготы) до 14-го дня развития [25, с. 252] или сроком до 30-го дня развития (начала дифференцировки структур головного мозга) чрезвычайно обостряет

¹ Цит. по: Курило Л.Ф. Репродуктивные технологии и технологии получения эмбриональных стволовых клеток человека как отрасль практической и научной медицины // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике. Выпуск 1. (1998-1999). Православный медико-просветительский центр «Жизнь». М., 2001. С. 46.

морально-этические проблемы медико-биологической деятельности [15, с. 54].

Возможность произвольно манипулировать половыми клетками и контролировать само начало зарождения человеческой жизни в еще большей степени актуализирует проблему статуса эмбриона человека и вопрос о том, с какого момента его следует рассматривать как личность, имеющую право на жизнь и ее защиту в законодательном порядке [19, с. 72].

Не менее актуальными являются этико-правовые аспекты технологии стволовых клеток человека. Успешно разрабатываемая с 1981 г. новая проблема эмбриональных стволовых клеток в настоящее время переросла в технологию стволовых клеток, которая оценивается как значимая для теоретической и прикладной биологии и медицины [6, с. 17]. Но разрушение человеческой жизни во имя прогресса медицины должно быть запрещено. Что является морально оправданным? Разрешать, чтобы не востребуемые эмбрионы были разрушены или были использованы для исследований и/или для лечения, что может принести пользу больным людям? Известна максима: абсолютно незащищенный нуждается в абсолютной защите. Во Всемирной Декларации прав человека (1948) говорится: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности», а также: «Все равны перед законом и имеют право на защиту со стороны закона» (ЮНЕСКО, Право быть человеком, т. 2, с. 662)².

В ряде стран (Италия, Германия) имеется запрет на проведение исследований с эмбрионами человека. Франция рекомендует относиться с уважением к эмбриону от момента его зачатия; легальные права имеет плод при рождении. В Великобритании, Канаде и Австралии не запрещено создание эмбрионов для исследовательских целей, но разработана система законодательных актов регулирования и контроля. В США соответствующие

² Цит. по: Узаконенное детоубийство (по книге митрополита Никопольского Мелетия «Аборты») // Спаси и сохрани. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2000. С. 10.

исследования проводятся в частном секторе, так как Конгресс запрещает использовать федеральные средства на подобные исследования.

В «Конвенции о правах человека и биомедицине» Совета Европы указано: «Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено только в профилактических, терапевтических или диагностических целях и только при условии, что подобное вмешательство не направлено на изменение генома потомков данного человека» [11, с. 12]. В европейской группе по этике в науке и новых технологиях Европейской комиссии, рабочих группах Руководящего комитета по биоэтике в Совете Европы идет процесс постоянного обсуждения принципов регламентации по проведению исследований на предимплантационных эмбрионах человека [16, с. 54].

Приходится констатировать, что идея «человекобожия», связанная с безусловным стремлением к процветанию, могуществу и физическому совершенству остается привлекательной. Если в первой половине XX в. она носила теоретический характер, то сегодня воплощается в биомедицинской практике. Это уже реализованное стремление выйти на уровень «творца», создание живых организмов с запрограммированными свойствами.

Прошло целое столетие с того времени, как Ф. Ницше устами Заратустры призвал человечество к созданию «сверхчеловека». Своеобразие философии Ф. Ницше обусловила принципиальная связь между идеей сверхчеловека и ситуацией «смерти Бога». Этот идеологический прорыв символизировал коренную ломку оснований культуры [21, с. 7]. Практически в это же время Ф. Достоевский развивает идею Богочеловечества. Постепенно антитеза «богочеловечество – человекобожие» становится доминирующей в русской религиозной философии.

В связи с евгеническими идеями интересно сопоставить понятие «сверхчеловека» у Ф. Ницше и С. Булгакова. Оба понимали «сверх» как качество, превышающее естественные возможности человека. Но Ницше возвеличивал страсти человека, сделав его демоническим существом,

обладающим магическими способностями. Для Ницше сверхчеловечность принципиально антирелигиозна. А для С. Булгакова сверхчеловечность «есть, в сущности, актуальное воцерковление». Утверждая целью и смыслом жизни человека «обожение», святость и следуя своему принципу антиномизма, он понимал путь святости как «распятие» естественного человека, «себяотвержение», и в то же время – спасение, восстановление личной индивидуальности, буквально исцеление. По словам Н. Бердяева разделение «природного человека от духовного» и дает свободу развития природному человеку, от глубочайших основ самой природы человека [7, с. 108]. Высшее идеальное измерение в данном случае - сам человек и все «человеческое».

Но Ф. М. Достоевский полагал, что даже если рассматривать «человеческое» как некий феномен, представляющий интересы рода, то идеала все равно не получится, ибо сумма равна слагаемым, со всеми их свойствами. Евангельский Христос – вот подлинный идеал, качественно отличающийся от различных человеческих мерок. Обожение человеческой природы во Христе – это онтологическая возможность и призвание человека. Оно реализуется через свободное самоопределение, при условии нравственного делания человека. «Человекобожие» как попытка достичь абсолюта, оставаясь в своих собственных границах, обречено на провал и, рано или поздно, оборачивается разными формами тоталитаризма, приводит к болезненным искажениям, личной и общественной трагедии.

Около полувека тому назад высказывалось предположение, что наука XXI в. станет наукой о человеке. Очевидно, что эти предсказания о наступлении эпохи торжества наук о человеке сегодня сбываются. Кажется, сбывается вековая мечта о достижении в пространстве человека гармонического единства гуманитарного и естественнонаучного знания. Знания о человеке, накопленные за последнее время, создают революционную ситуацию в науке и предполагают радикальное изменение условий человеческой жизни.

Было принято утверждать, что именно с помощью наук о человеке можно найти условия, обеспечивающие сохранение самого человека. Эта интенция стала ведущим мотивом творцов современного биоэтического знания. Однако итоги оказались вовсе неоднозначными. Современные науки о человеке формируют принципиально иной уровень представлений о возможностях человека и его истории. При определенных условиях достижения науки могут дать толчок для деградации человека, его расчеловечивания. Остается констатировать, что именно развитие наук о человеке может привести к тому, что человек в привычном нам смысле исчезнет, погибнет [18, с. 4].

На Всемирном конгрессе по биоэтике (1996), посвященном 50-й годовщине начала Нюрнбергского процесса, отмечалась необходимость более тщательного экспертного контроля за медициной и в целом системой охраны здоровья населения. По ряду причин не представляется возможным остановить использование достижений биомедицины. Следовательно, сложилась насущная необходимость в участии независимых организаций, церкви и широких слоев общественности в механизмах действенного контроля в сфере репродуктивных технологий, генной инженерии, экспериментов с эмбриональными стволовыми клетками [11, с. 5-6].

Новые методики человеческой репродукции и связанные с ними этические проблемы побуждают богословов к их осмыслению. В готовом виде христианская традиция такого ответа, конечно, не содержит. При решении вопроса об искусственном и экстракорпоральном оплодотворении христианское богословие опирается на Библию и церковное предание.

В тексте Библии, повествующем о сотворении человека, истина о запечатленном в нем образе Божиим дополняется упоминанием двух полов, деления человеческого существа на мужское и женское: «И сотворил Бог человека по образу своему. По образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 27). По мнению видного богослова «Церковная экзегеза видела в этой фразе выражение связи между образом Божиим в человеке и любовным влечением, в силу которого люди реализуют свою жизнь

в единении с противоположным полом. Это влечение также представляет собой конститутивный элемент жизни, модус жизни, позволяющий человеку создавать новые личностные ипостаси» [12, с. 12].

Через таинство брака мужчина и женщина становятся «уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19: 6). И это – тайна, «тайна сия велика» (Еф. 5: 32). Рождение детей, по учению Церкви, одна из важнейших целей брака. «Плодитесь и размножайтесь», - повелевает Бог первой чете в книге Бытия (Быт. 1: 28). «Вот наследие от Господа: дети, награда от Него - плод чрева», - восклицает псалмопевец (Пс. 126: 3). О радости рождения человека в мир говорит Иисус в Евангелии от Иоанна (Ин. 16: 21), а другой новозаветный автор утверждает, что «жена спасется через чадородие» (1 Тим. 2: 15).

Венчая брачующихся, православная церковь молится о том, чтобы Бог подал новобрачным «плод чрева на пользу» и «возвеселил их видением сынов и дочерей». Вслед за отцами церкви современные православные богословы видят в рождении детей печать союза любви, в котором супруги соучаствуют с Богом в творении новых человеческих существ.

Однако существует и другое описание сотворения человека, содержащееся во второй главе книги Бытия (Быт. 2: 4-25). Филологи считают его более древним. Сначала Бог творит мужчину, получающего соответственно имя мужского рода: Адам («сделанный из земли»). Именно в этого целостного первочеловека вдунул Бог дыхание жизни и сделал его «душою живою». Следующее затем разделение полов совершается Богом с единственной целью – удовлетворить человеческую потребность в общении (Быт. 2: 18-22). «Различие полов обусловлено необходимостью выразить в рамках тварной природы образ жизни нетварного. Лишь грехопадение человека, неудача в попытке реализовать свою жизнь согласно троическому образцу извратит этот порядок вещей и приведет к тому, что различие полов станет выражением не Божественного способа бытия, но жесткой природной необходимости продолжения рода» [31, с. 112-113].

Следовательно, деторождение - далеко не единственная и, по учению некоторых святых отцов, даже не главная цель брака [29, с. 97]. Как поясняет свт. Иоанн Златоуст, «любовь такова, что любящие составляют уже не два, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви» (Беседа 33 на 1 -е Послание к Коринфянам) ³.

Митрополит Сурожский Антоний поясняет: «Тринитарная модель жизни – это отнюдь не единство на уровне естества, но соединение в любви свободных и отличных друг от друга ипостасей. Природная связь с родителями разрывается, чтобы дать место новому отношению.

Оно знаменует собой свободный выбор и добровольную преданность мужчины и женщины друг другу, что приводит не просто к совместной жизни, дружбе, нравственной и духовной близости, но и к слиянию по плоти, то есть единству жизни, буквально: со-существованию» [3, с. 803].

Этическая ценность супружеских сексуальных отношений, в которых проявляется брачное единство в любви и взаимной самоотдаче, не сводится к воспроизводству рода. «Муж жене воздавай должное, подобно и жена мужу. Жена над своим телом не властна, но муж; подобно и муж: над своим телом не властен, но жена. Не отнимайте себя друг у друга, разве лишь по согласию, на срок, чтобы освободить время для молитвы, а потом опять вместе будьте, чтобы не искушал вас сатана неумеренностью», – учит апостол Павел (1 Кор. 7: 3-5). «Единомыслие душ и телес» - предельная цель брачного союза, о достижении которой молятся в Последовании венчания.

Целостность брачных отношений не совместима с вторжением в них третьей стороны. «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог», – эти слова из Послания к Евреям (Евр. 13: 4) содержат ключевые мотивы молитвенных прошений таинства обручения и венчания.

Этим определяется отношение христианских богословов к различным методам доступной в наши дни аномальной техники деторождения. Позиция

³ Цит. по: Протоиерей Николай Балашов Репродуктивные технологии: дар или искушение? // Православие и проблемы биоэтики. Выпуск 1 (1998 – 1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 37.

римско-католической церкви более простая и однозначная. Все подобные методы оцениваются негативно, поскольку для католической моральной теологии традиционным является понятие ненарушимого естественного закона. В данном случае определяющим является момент, приводит ли забор семени к нарушению духовно-физического единства супругов [25, с. 241-242].

Католический догмат о непорочном зачатии Девы Марии эксплицитно подтверждает несовпадение позиций западных и восточных богословов по вопросу о соотношении понятий «личности» и «природы». В контексте вероучительной традиции католической церкви в философской традиции он разрешается через гносеологический подход, в случае православной патристической традиции – через онтологию. Как следствие расхождения антропологических моделей мы отмечаем противоположность этических рекомендаций по поводу допустимости методики искусственного оплодотворения. Так для католиков главный вопрос заключается в том, приводит ли взятие семени вне отдельного полового акта у супругов, живущих в законном и полном союзе и желающих иметь детей, к реальному отделению физического элемента деторождения от его психико-духовного компонента в отдельном супружеском акте.

С православной позиции гомогенное искусственное оплодотворение - это вполне приемлемый способ использования медицинских знаний, позволяющий христианскому браку реализовать одну из главных целей: продолжение рода. Различные аспекты позиции Русской Православной Церкви по отношению к искусственному оплодотворению наиболее полно представлены в работах священника Николая Балашова. Положительно оценивая некоторые методы лечения бесплодия и отвергая по религиозно-моральным соображениям другие, он говорит о реальной возможности «смирненно-достойного» отношения людей к факту отсутствия детей в той или иной семье. В связи с глубочайшими морально-этическими и религиозными противоречиями, сопровождающими практику искусственного оплодотворения, перспектива усыновления ребенка,

оставшегося без родителей, может стать достойной христианина альтернативой.

Церковь не благословляет пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни. Если муж и жена неспособны к зачатию ребенка, а терапевтические и хирургические методы лечения не помогают супругам, им следует со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание [30, с. 143].

Искусственное оплодотворение незамужней женщины все православные авторы считают морально недопустимым - прежде всего, исходя из интересов ребенка. В этом случае он заведомо лишается возможности быть воспитанным в полноценной семье, будучи рожден вне брачного союза, основанного на ответственной любви. Искусственное оплодотворение замужней женщины без согласия и участия ее мужа также недопустимо с этической точки зрения, поскольку расценивается как супружеская измена. Если муж неспособен к оплодотворению и медицинская наука не может ему помочь, жена должна принять его таким, каков он есть, а не пытаться найти ему квази-замену в лице другого мужчины-донора. В случае гомогенного оплодотворения возражения опускаются.

Многие богословы разделяют вывод протопресвитера Стэнли Харакаса, профессора греческой православной Богословской школы Святого Креста в Бруклине: искусственное оплодотворение спермой мужа – «это вполне приемлемый способ использования медицинских знаний, позволяющий христианскому браку реализовать одну из главных целей: продолжение рода» [2, с. 122].

Сложнее решается вопрос в случае абсолютного бесплодия, обусловленного непроходимостью фаллопиевых труб. Врачи обыкновенно рекомендуют прибегать к экстракорпоральному оплодотворению. Этические аргументы против этого метода определены клинической практикой одновременного оплодотворения нескольких яйцеклеток. Половые клетки извлекают из яичника в процессе лапароскопии. Для имплантации проводится отбор наиболее «перспективных»

эмбрионов. Оставшиеся обыкновенно замораживаются. Когда желаемый результат получен, «избыточные» эмбрионы разрушают или используют для экспериментов. Существует практика имплантации донорского эмбриона другой бесплодной женщине [1, с. 77-78].

Ясно, что подобные манипуляции противоречат представлениям о человеческом эмбрионе как носителе человеческого достоинства. Намеренное уничтожение эмбрионов, как и намеренный аборт - недопустимое посягательство на человеческую жизнь.

Как православные, так и католические современные богословы, ссылаясь, главным образом, на каноническое право, осуждающее аборты независимо от срока развития плода, считают момент оплодотворения яйцеклетки единственным актом подлинно качественного изменения. Ни одна из последующих стадий развития не может с большим основанием, чем все остальные, считаться началом формирования личности. Эту позицию разделяет и значительная часть ученых. Сразу же после оплодотворения вступают в действие системы, которые контролируют зиготу еще до ее имплантации: начиная от формирования бластомеров посредством повторения-удвоения и кончая образованием бластоцисты и имплантацией [23, с. 59].

Таким образом, выделяются свойства программированной заданности, целеустремленности, непрерывности, без качественного разрыва между одним этапом и другим, и осуществляются самовоспроизведение и самоуправление программы внутри генома и эмбриона. Вместе с тем автономия, о которой мы говорим, не должна пониматься в абсолютном смысле, ибо ее не существует и после рождения. И потому речь здесь идет о внешней зависимости, подобной той, которую испытывает и взрослый в своих отношениях с окружающей средой: материнская среда дает пищу и питает кислородом, удаляет продукты обмена, которые могут быть токсичными. Однако качество, импульс и направление развития зависят не от направляющих органов матери, но от самоуправляемой генетической структуры самого эмбриона [25, с. 155-156].

Это означает, что развитие эмбриона зависит от матери только внешне. А если мы должны рассматривать даже бластомеры в чашке Петри как человеческие существа, то распространенная практика оплодотворения представляется морально недопустимой.

Практика донорства яйцеклеток или эмбрионов представляется столь же недопустимой в моральном отношении, как и использование донорской спермы. В обоих случаях основанием для этических возражений является идея защиты целостности и уникальности брачных отношений. В отличие от благородного по своим мотивам усыновления (удочерения) детей, уже лишившихся «генетических родителей», когда приемные родители восполняют недостаток любви и родительского попечения о них, такая практика, напротив, поощряет анонимное отцовство или материнство, заведомо освобождает от любых обязательств по отношению к своим «генетическим» детям. Не следует забывать, что анонимность донорства создает возможность для непреднамеренного инцеста [22, с. 62].

Наконец, все разновидности суррогатного материнства категорически осуждаются православными и католическими авторами. Признание его допустимости означает пренебрежение глубочайшей эмоциональной и духовной связью, которая устанавливается во время беременности между матерью и младенцем [4, с. 81]. «Вынашивающая мать» в большинстве случаев просто обречена пережить мучительный психологический стресс, отдавая рожденное ею дитя. Кроме того, очевидно, что и ребенок в подобной ситуации не избежит в будущем ситуации личностного кризиса [9, с. 25-26].

Новейшие технологии репродукции человека привлекают самое пристальное внимание богословов. Наиболее давняя традиция обсуждения этой и смежных с ней этических проблем медицины имеется в католицизме [13, с. 53]. Отличием позиции римско-католической церкви по сравнению с православием является более важная регламентирующая роль соответствующих официальных документов. Католическая мораль в целом отрицательно относится к искусственному оплодотворению, в особенности - к

гетерологическому. Это противоречит ценности брака, достоинству супругов, самому предназначению родителей и праву ребенка быть зачатым и рожденным на свет в браке и благодаря браку. В то же время некоторые католические авторы считают этически приемлемым метод экстракорпорального оплодотворения в случае решения проблемы «избыточных» эмбрионов [8, с. 110].

Следуя традициям христианской этики, сделаем заключение, что мораль обеспечивает процессы наследования человеком представлений о добре и зле, а генетические нарушения могут являться следствием забвения нравственных начал, итогом порочного образа жизни, в результате которого страдают и потомки.

Демографический кризис в России - государственная проблема, затрагивающая все стороны жизни нашего общества. В условиях экономического спада руководство страны оказалось не готово обеспечить необходимый объем реализации социальных программ, направленных на поддержку семейной политики, защиту детства. Экспертное сообщество в лице ведущих интеллектуалов, влияющее на принятие управленческих решений, в своих рекомендациях призвано учитывать международный опыт, который показывает, что интенсивность рождаемости, обеспечивающая необходимый уровень воспроизводства населения страны, обусловлена, в первую очередь, не социально-экономическими предпосылками, а сохранением на уровне общественного сознания религиозной доктрины, демонстрирующей приверженность традиционным семейным ценностям.

На государственном уровне активно поддерживаются научные исследования и практическое внедрение в сфере биомедицинских технологий. Между тем, правовая и нравственно-этическая регламентация в данной сфере разработана слабо. Социальные и духовно-нравственные последствия, связанные с распространением абортивного сознания и разрушением традиционного института семьи, исследованы недостаточно. Несмотря на то, что значительная часть россиян придерживается христианских по своей

природе этических норм, положения религиозных концепций, в частности современных христианских социальных и вероучительных доктрин, в официальных международных, государственных и профессиональных документах отражены слабо. Одной из главных причин сложившейся ситуации является недостаточный уровень освещения принципов и подходов христианской биоэтики в философско-этических исследованиях.

В системе образования и медицины под лозунгами защиты репродуктивного здоровья продолжает активно проводиться политика, направленная на сексуальное просвещение молодежи. Достоверная информация, отражающая риски и угрозы, связанные с использованием репродуктивных технологий и гормональных препаратов, остается закрытой для широких слоев населения. Как следствие, наблюдается стремительная деградация физических показателей, определяющих генеративную функцию россиян, вступивших в половозрелый возраст. В условиях идеологического и информационного вакуума биомедицинские технологии эффективно работают как инструменты демографического сдерживания. В условиях роста политической напряженности, экономической изоляции, формирования новых угроз, связанных с международным терроризмом, становится необходимым налаживание системного диалога по вопросам биоэтики и защиты жизни между представителями традиционных конфессий. Назрела необходимость включить в эту работу интеллектуальный и организационно-методический потенциал светских и конфессионально - ориентированных научно-образовательных учреждений.

До настоящего времени в науковедении отсутствует отчетливое представление о биоэтике как христианской науке. Для институционализации данной отрасли знаний, преодоления последствий коммерциализации медицины, духовно-нравственного кризиса, представляется необходимым популяризировать значимость христианского вероучения через систему отечественной науки и образования, в том числе профессионального. Дальнейшее развитие биоэтического знания в России, конкретизация и

развитие его основополагающих понятий предполагает необходимость углубленной философской проработки антропологических аспектов доктрин христианского Запада и Востока в рамках сложившейся отечественной традиции сравнительного богословия и в целом наследия русской православной мысли.

Список литературы

1. Авходиев Г. И., Кот М.Л., Беломестнова О.В. Биомедицинская этика: учебно-методическое пособие. Чита, 2009. 216 с.

2. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Исцеление тела и спасение души // Человек. 1995. № 5. С. 109–124.

3. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Труды. Кн. 2. М. : Практика, 2007. 968 с.

4. Балашов Н., свящ. Искусственное оплодотворение: что думают православные? // Человек. 1995. № 3. С. 77 – 81.

5. Балашов Н., свящ. Репродуктивные технологии: дар или искушение? // Православие и проблемы биоэтики. Вып. 1 (1998 – 1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 34 – 44.

6. Балашов Н., свящ. Церковь и современные биомедицинские проблемы // Священный дар жизни: материалы междунар. медико-педагог. конференции. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 16 – 18.

7. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

8. Биомедицинская этика: практикум / Под общ. ред. С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. Мн.: БГМУ, 2011. 255 с.

9. Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. М., 1992. № 10. С. 3– 28.

10. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте в честь 70-летия Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата

(Москва, 19 мая 2016 г.). [Электронный ресурс]// Московская Патриархия. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4470984.html> (дата обращения: 21.05.2017).

11. Дубровина Н. Этика геномики // Человек. 1999. №4. С. 4 – 14.

12. Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.

13. Кожевникова М. О биоэтической культуре: интервью с Яном Хартманом // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 53 – 55.

14. Кубарь, О. И. Этические и правовые проблемы исследований на человеке: из истории России XX века // Человек. 2001. № 3. С. 115 – 121.

15. Курило Л. Ф. Некоторые морально-этические проблемы репродукции человека // Биомедицинская этика под ред. В. И. Покровского. М.: Медицина, 1997. С. 151 – 171.

16. Курило Л. Ф. Репродуктивные технологии и технологии получения эмбриональных стволовых клеток человека как отрасль практической и научной медицины // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике. Вып. 1. (1998-1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 45 – 57.

17. Курило Л.Ф. Развитие техники оплодотворения ооцита вне организма // Акушерство и гинекология. 1984. № 1. С. 7 – 8.

18. Лекторский В. А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3 – 15.

19. Леонов Б. В. Рождение in vitro // Человек. 1995. № 3. С. 69 – 76.

20. Ляуш Л. Б. Этические аспекты правового регулирования применения репродуктивных технологий // Материалы IX Рождественских чтений. Медицинская секция. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2002. С. 147 – 159.

21. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Мн.: Поппури, 1997. 624 с.
22. О нравственных проблемах, связанных с развитием “новых репродуктивных технологий. Заявление Церковно-общественного Совета по биомедицинской этике // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Выпуск 1. (1998-1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 61 – 63.
23. Обухов М., священник. Этический аспект манипуляций над эмбрионами // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике. Вып. 1. (1998-1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 57 – 61.
24. Руководство по контрацепции / Под ред. проф. В. Н. Прилепской. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: МЕДпресс-информ, 2011. 448 с.
25. Сгречча Э., Тамбоне М. Биоэтика. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – 413 с.
26. Сотирова С., Попова С. Прикладная этика и культура Православия // Человек. 1996. № 1. С 82–90.
27. Узаконенное детоубийство (по книге митр. Никопольского Мелетия «Аборты») // Спаси и сохрани. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2000. С. 3 – 18.
28. Франциск Папа Римский, Кирилл Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Совместное заявление [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (дата обращения: 19.05.2017).
29. Харакас С. Православие и биоэтика // Человек. 1994. № 2. С. 91 – 100.
30. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Даниловский благовестник, 2000. 188 с.
31. Яннарас Х. Вера Церкви. М.: Центр по изучению религий, 1992. 231 с.

УДК 343.97; 340.1

ГРНТИ 10.07.27

**РОССИЙСКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА: ФИЛОСОФСКИЙ
АСПЕКТ**

*Владимир Геннадьевич Громов,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного, экологического права и криминологии,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.
Чернышевского,
профессор
e-mail: gromov_vg@mail.ru*

RUSSIAN CRIMINAL SUBCULTURE: PHILOSOPHY ASPECT

*Vladimir G. Gromov,
Doctor in Law, Professor,
Department of Criminal, Ecological Law and Criminology,
Saratov National Research State University named by N.G. Chernyshevsky,
Professor
e-mail: gromov_vg@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Под влиянием криминальной философии в социуме снижается уровень доверия к правоохранительным органам, одобряется самосуд и самоуправство, распространяется этнический и религиозный экстремизм. Анализируя информацию о философских аспектах криминальной субкультуры, автор формулирует выводы о путях снижения криминогенности общества.

Предлагается два направления противодействия криминальной философии. Можно законодательно ограничить пропаганду криминальных традиций и убеждений о

необходимости и целесообразности ведения преступного образа жизни. С другой стороны, обществу и государству следует приложить дополнительные усилия по снижению карательного потенциала мест лишения свободы.

ABSTRACT

Under the influence of criminal philosophy in society reduced the level of trust towards law enforcement authorities, approved the lynching and arbitrariness, spreading ethnic and religious extremism. Analyzing information about the philosophical aspects of the criminal subculture, the author formulates conclusions about the ways of reducing the criminality of the companies.

There are two ways to counter criminal philosophy. We can legally restrict the propagation of criminal traditions and beliefs about the necessity and usefulness of a criminal lifestyle. On the other hand, society and the state should make additional efforts to reduce the punitive potential of places of deprivation of liberty.

Ключевые слова: криминальная субкультура; банда; философия; общество; тюрьма.

Keywords: criminal subculture; gang; philosophy; society; prison.

Впервые термин «субкультура» появился за рубежом в 30-ые годы прошлого столетия, когда Ф. Трэшером была опубликована работа по изучению 1313 банд в Чикаго. Проведенный им анализ банд, причин их возникновения, условий существования, состава, норм и правил жизни членов банды, – по праву считается образцом криминологического исследования [1].

Долгие годы в преступном мире в России господствовала мораль «воров в законе», которая возникла в 30-ые годы XX века как свод правил, регулирующих взаимоотношения воров-карманников друг с другом и с государством. Криминальная этика, в общем, и целом представляла собой деформированную мораль законопослушного гражданина; в ней преступление считается доблестью, а единственным достойным образом жизни – жизнь вора. Основное правило простое: вору, но не попадайся, а если попался, то не сознавайся.

М. Фуко также отмечает, что происхождение криминальной субкультуры имеет давнюю историю. «В классическую эпоху на задворках или в щелях общества существовала смутная, терпимая и опасная область "внезако́ния" или,

по крайней мере, того, что ускользало от когтей власти; неопределенное пространство, место формирования и прибежище преступности. Там по воле случая и судьбы сталкивались бедность, безработица, преследуемая невинность, хитрость, борьба с властью имущими, отказ исполнять обязанности, попрание законов и организованная преступность» [2].

Криминальная субкультура – это субкультура, являющаяся подвидом культуры, нормы которой противопоставляются общепринятым социальным нормам, и которая связана с нарушением уголовно-правовых запретов.

В условиях кризиса у людей происходит деформация потребностей, взглядов, утрачиваются идеалы. Преступное сообщество пользуется этим, создает собственную систему ценностей, вырабатывает свою философию, которую активно внедряет в общество, в массовое сознание. Корни криминальной субкультуры имеют тюремное происхождение.

Главная философская идея заключается в неприятии сложившихся в обществе норм, отношений и официальных институтов, оправдывает и поощряет преступный образ жизни.

Эта философия помогает преступнику самоутвердиться в своей невиновности и представить себя окружающим как полноценную или даже героическую личность, а психологические барьеры делают преступника невосприимчивым к восприятию позитивных взглядов и идей.

Криминальные философские идеи с помощью коммуникативных и регулятивных элементов субкультуры (прозвища, татуировки, жаргон, нормы, обычаи, традиции, стратификация преступников) реализуются в повседневной жизни.

На современном этапе развития общества российская криминальная субкультура не только духовно подпитывает преступное сообщество, но и воспроизводит преступность и преступления. Весьма существенное влияние она оказывает на формирование, как личности преступника, так и её антиобщественной направленности.

В. Фокс справедливо отмечает, что «общество черпает свою силу в эффективном функционировании таких групп, как семья, школа, церковь, промышленное предприятие, коммерческая компания, клуб, профессиональная группа и различные органы управления. Для того чтобы понять или изменить поведение человека, необходимо изучить группу и групповое поведение» [3]. Как и любой иной вид субкультуры, криминальная субкультура носит групповой характер.

Являясь частью общей культуры, субкультура обособляется в ней главным образом по признаку носителя, приверженца, адепта этого вида культуры. Кроме того, в основе выделения субкультуры как вида, помимо адепта культуры, лежит конфликт ее философских идей с идеями, считающимися нормой в обществе.

Все основополагающие институты общества – государство, право, семья, образование – отвергаются, их в шкале ценностей просто не существует. Однако ни одна субкультура не способна создать свой самостоятельный материальный базис. Субкультура не в силах опровергнуть законы диалектики, создать независимую экономику. Поэтому, паразитируя на материальной основе, созданной человечеством, она пытается навязать ему свою философию, отличную от общепринятой. Строится такая система отношений, в которой индивиды пытаются существовать в относительной самостоятельности от общества.

В современных научных исследованиях предлагается много различных вариантов определений субкультуры, анализ которых позволяет нам сказать, что субкультура – это надстройка над материальным базисом, сложившаяся в обособленной социальной среде, объединенной общей философией, отличной от философии, господствующей в социуме.

В научной литературе часто встречаются похожие понятия: «асоциальная субкультура», «криминальная субкультура», «пенитенциарная субкультура».

На основе анализа этих понятий можно сделать вывод о том, что криминальная субкультура – это субкультура, являющаяся подвидом культуры,

нормы которой противопоставляются общепринятым социальным нормам, и которая связана с нарушением уголовно-правовых запретов.

Практически все современное российское общество испытывает на себе негативное влияние ряда экономических, политических, социально-психологических и иных явлений и процессов. Одним из наиболее опасных факторов, воздействующих на российское общество, является криминальная субкультура, представляющая собой систему философских, идеологических, нравственных норм и правил поведения, которые создаются и культивируются лицами с устойчивыми антисоциальными ценностями и взглядами.

В 2016 году в России зарегистрировано 2160 тысяч преступлений, что примерно на 10% меньше, чем в 2015 году. Каждое второе расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления [4].

Рост преступности провоцирует формирование у людей негативных представлений, которые, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на преступность, вызывая дальнейшее повышение ее показателей. В условиях дальнейшей деформации потребностей, взглядов, углубления нравственного кризиса, утраты идеалов и пересмотра общечеловеческих ценностей идет активное внедрение в массовое сознание криминальной субкультуры.

Преступное сообщество создает собственную систему ценностей, вырабатывает свою философию, которую активно внедряет в общество. В результате в общественном мнении воспроизводятся и распространяются ценности и нормы криминального мира, стереотипы правонарушающего поведения, якобы оправданного экономическими, социальными, моральными и иными соображениями.

В повседневный быт и культуру социума последовательно внедряются элементы криминальной субкультуры: специфические для преступников жаргон, средства коммуникации и способы разрешения конфликтов. Все чаще в средствах массовой информации употребляются слова и выражения, которые двадцать-тридцать лет назад являлись преступным жаргоном. Однако сегодня даже серьезные политики и государственные деятели с экранов телевизоров

могут употреблять выражения «беспредел в экономике», «очередная разборка», «нельзя кошмарить бизнес», а террористов необходимо «мочить в сортирах».

Целый ряд признаков позволяет говорить о том, что корни криминальной субкультуры имеют тюремное происхождение. Преступные сообщества, банды, орудующие на свободе, «поставляют» с помощью механизма уголовного правосудия своих членов в места лишения свободы. Пройдя там тюремную закалку, «школу повышения криминальной квалификации», они возвращаются на свободу. Полученный ими криминальный опыт позволяет занять в банде более высокий статус, и совершать более квалифицированные преступления.

Э. Сатерленд и Д. Кресси пишут, что «само существование такого феномена, как банда, обусловлено выполняемыми ею функциями. Во-первых, банда дает своим членам возможность проверить, в какой мере каждый из них принимает установленные в ней правила поведения. Во-вторых, она позволяет оценить надежность каждого на случай совершения дерзкого и преступного деяния. В-третьих, она предоставляет каждому своему члену возможность удостовериться, в какой степени другие члены приемлют его способ нейтрализации влияния законопослушного общества. Наконец, члены банды сообща совершают различные виды делинквентных действий, чтобы проверить, готов ли на это пойти каждый из ее членов» [5].

Криминальная субкультура имеет свое философское содержание. Этот вид субкультуры, как и любой иной вид, представляет собой особую систему, включающую в себя несколько основных элементов.

Главная философская идея, в основе которой лежит неприятие сложившихся в обществе норм, отношений и официальных институтов. Она позволяет оправдывать и поощрять преступный образ жизни. Наиболее часто употребляемым является выражение «Не украдёшь – не проживёшь!» Вор считается идеальным типом личности, примером для подражания.

Эта идея помогает преступникам субъективно оправдывать совершение преступлений, как в своих глазах, так и в глазах окружающих. Такое оправдание происходит путем включения механизмов психологической защиты

преступников. Включение этих механизмов позволяет отрицать собственную вину и возлагать ответственность за содеянное на других, заменять низменные побуждения благородными и возвышенными мотивами. Так, в групповых преступлениях мотивация объясняется чувством товарищества, дружбы, коллективизма, взаимопомощи; при совершении насильственных преступлений – обвинением жертвы в аморальном, противоправном или провоцирующем поведении; при совершении корыстных преступлений – идеей перераспределения имеющейся у людей собственности и её присвоения с самой разнообразной «позитивной» мотивацией («надо делиться», «иначе добро пропадет», «другие больше меня воруют»).

Эта философия направлена на устранение или сведение к минимуму чувства тревоги, беспокойства, вины, раскаяния, – тех, что связаны с совершением преступления. С одной стороны, она помогает преступнику самоутвердиться в своей невиновности. Кроме того, так он пытается оправдать себя в глазах окружающих людей в совершенном преступлении, представить себя как полноценную или даже героическую личность.

С другой стороны, считает В.Ф. Пирожков, действие защитных механизмов, в том числе на бессознательном уровне, затрудняет проведение с ними профилактической работы, не говоря уже об исправлении осуждённых. Психологический барьер, возникающий между воспитателем и преступником, делает последнего невосприимчивым к другим взглядам, идеям, установкам: «Что вы меня воспитываете, если я не виноват?», «Виноват потерпевший, который меня спровоцировал», «Я защищал товарища от хулиганов» и др. [6].

Ценности криминальной субкультуры являются факторами, активно воздействующими на формирование личности членов преступных микрогрупп и вовлечение в орбиту преступной деятельности новых членов. Очевидно, что ценности должны быть достаточно специфичными, и отражать чаяния и стремления к ним лиц и с корыстной, и с насильственной мотивацией. Традиционно к основным ценностям преступники причисляют волю (свободу) и родную мать, а в последние годы — и деньги.

Для того, чтобы философские идеи и взгляды сами по себе не витали в воздухе (от этого можно быстро разочароваться), существует еще несколько элементов субкультуры. Эти элементы, с одной стороны воплощают в жизнь основные философские каноны, а с другой стороны, дают практическую подпитку таким философским воззрениям, утверждая их практически в повседневной жизни. К таковым следует отнести коммуникативные и регулятивные атрибуты криминальной субкультуры.

Прозвища (клички) определяют взаимоотношения в среде правонарушителей, так как отражают статус личности, являются средством конспирации и деперсонализации. Часто они подчёркивают физические качества или недостатки преступников («Хромой», «Однокрылый», «Амбал»), указывают на их положение в преступной среде («Хан», «Солдат»), или на их происхождение («Брянский», «Бакинский», «Одессит»).

Татуировки, своего рода натальная живопись, выполняют информационно-сигнализирующую роль, указывая на особенности преступной деятельности (корыстная, насильственная) и местоположение в криминальной иерархии данного лица. До сих пор существуют воровские татуировки («эполеты», звезды на коленях, распятия), запретные для всех, кроме коронованных законников. Оскаленная пасть тигра, кинжал — символы агрессивных преступников, совершивших преступления против личности, чёрт с мешком — расхититель, паук в паутине — наркоман и т.д.

Жаргон, аргó (криминальный язык) выполняет несколько функций. Во-первых, условно выделяют лексику, используемую для обыденного употребления. Некоторые слова из уголовного жаргона, отмечают А.В. Калинин и А.В. Шеслер, созданного ворами в годы советской власти, сегодня употребляются во всех слоях общества («мент» — сотрудник милиции, «базар» — пустой, никчёмный разговор, «разборка» — выяснение разногласий, спорных отношений). Сейчас этот язык насчитывает несколько тысяч слов. Во-вторых, выделяют вульгарно-бранную лексику, несущую в себе цинично-негативную оценку человека или поступка («шмара» — женщина легкого поведения;

«репа», «тыква» — голова; «косяк» — ошибка, неправильный поступок). В-третьих, часть лексикона, собственно *арго*, служит средством узнаваемости преступников между собой, и одновременно является способом конспирации («шмонать» — производить обыск; «выставить» — обокрасть квартиру; «сесть на хвост» — организовать слежку) [7, 8].

Невербальные средства общения (жесты, перестукивание по стенке, системе центрального отопления или канализации, позы, мимика и т.д.). Эти средства, предназначенные для конспирации, являются сжатым и быстрым способом передачи информации. Такой способ считается вынужденным, так как несёт в себе мало информации, и поэтому он применяется там, где невозможно полноценное общение (в следственном изоляторе; тюрьме; общественных местах при совершении карманных краж; где происходит игра в карты).

Нормы поведения являются средством накопления, сохранения и передачи социального опыта жизни в преступной среде. Так, например, никогда не следует выдавать сообщников, места хранения похищенного имущества и т.д. Эти нормы определяют тип общения, манеру поведения среди преступников, стимулируют усвоение уголовного жаргона.

Стратификация преступников. Важнейшей особенностью групповой стратификации правонарушителей в системе их субкультуры является строгое деление на своих и чужих. В свою очередь, среди своих однозначно определяются социальные статусы и роли преступников.

Имеются категории «воров», «авторитетов», принадлежащих к высшей касте преступного мира, пропагандирующих его традиции и обычаи; «фрайеров», «парней» — стремящихся к достижению этих высоких званий; «мужиков», «быков» — простых, рядовых преступников.

Кроме того, в местах лишения свободы существует социальное клеймение — использование для обозначения принадлежности к низшим слоям криминалитета оскорбительных терминов («махно», «чушка»), к активистам,

сотрудничающим с администрацией («стукач», «козёл») а также к подвергнувшимся сексуальному насилию («обиженный», «петух»).

Аналогичная ситуация наблюдается исследователями и в США. Э. Шлоссер отмечает, что «в большинстве американских тюрем — там, где насилие, жестокость, шантаж давно стали нормой — учат тому, что сильный всегда побеждает слабого. Заключение, которые хоть немного выказывают свою уязвимость, немедленно становятся жертвами. Ранее в тюрьмах Иллинойса и Калифорнии создавались банды заключённых — для самозащиты. Теперь эти банды существуют по всей стране. Среди молодёжи вошли в моду татуировки, обычаи, жаргон этих тюремных банд. В американских городах тюремная культура становится культурой улиц» [9].

Кроме того, отмечается, что у населения, в первую очередь, у молодёжи, наблюдается рост интереса к тюремной культуре, отсюда и мода на всё тюремное. мода на мешковатую, плохо сидящую одежду, приспущенные брюки, музыка в стиле «рэп» и татуировки пришли из тюрем; это всё становится сегодня частью всеобщей культуры.

Традиции и обычаи выполняют воспитательную роль. Они направлены на усиление антиобщественной направленности новичков, молодёжи и передачу криминального опыта от старшего поколения младшему. Так, например, при подселении в камеру новичок обязан положить «в общак» несколько пачек сигарет, пачку чая, какую-либо еду, иначе, при несоблюдении этих традиций, он может стать потенциальной жертвой внутрикамерного грабежа.

Традиционно все глобальные вопросы о распределении сфер влияния в криминальном мире решаются на сходках «воров в законе». Соответственно, и решение о присвоении звания «вор» криминальному авторитету может вынести только воровская сходка.

Криминальная субкультура достаточно агрессивна. Механизм ее проникновения в общество заключается в следующем. Вначале она непосредственно внедряется в «слабое звено» социума, к которому относятся, в первую очередь, несовершеннолетние, маргиналы и безработные. Прижившись

в слабом звене, она, как инфекция, постепенно расползается по здоровой части общества.

Преступный мир, паразитируя на здоровом обществе, создает собственную систему ценностей, которая отлична от ценностей законопослушных людей. В современных условиях экономического и нравственного кризиса, утраты коммунистических идеалов, криминалитет активно старается внедрить в массовое сознание криминальную философию. Снижается уровень доверия к правоохранительным органам, одобряется самосуд и самоуправство, распространяется этнический и религиозный экстремизм. Таким образом, создается обстановка, выгодная преступникам.

Такое влияние на общество со стороны криминалитета является серьезной опасностью, с которой, безусловно, нужно бороться. Однако нормы национального законодательства не позволяют сегодня организовать эту борьбу с достаточной эффективностью. И российский криминалитет убежден в том, что всё можно купить за деньги; что нельзя купить за деньги, то можно купить за большие деньги, а что не покупается за большие деньги, то следует купить за очень большие деньги.

Необходимо подчеркнуть, что одной из важнейших задач российского государства, и, в частности, Совета Европы, на сегодняшнем этапе является разработка и внедрение эффективных мер противодействия распространению криминальной субкультуры, и, в первую очередь, криминальной философии.

Статья 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком... Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» [10].

В Российской Федерации настоящая Конвенция вступила в законную силу с 5 мая 1998 года, и сегодня Россия обязана выполнять её нормативные предписания. Поэтому представляется своевременным и актуальным рассмотрение такого негативного социального явления, которое существует в российском обществе и называется криминальной субкультурой.

Законопослушное российское население предполагает жить в правовом государстве, созданном обществом на демократических началах. Однако криминальная субкультура сегодня выступает в качестве фактора, дестабилизирующего общество. Криминальная философия построена на конфликтах, и ее основы не созидательны, а разрушительны.

Сегодня мы наблюдаем, как в целом ряде регионов Сибири и Забайкалья все большее количество молодых людей подпадает под влияние философской идеи тюрьмы. Они называют ее АУЕ (арестантский уклад един). Уголовная романтика, татуировки, жаргон, «блатные понятия» — все это сейчас, как чума, распространяется среди несовершеннолетних. Считается, что каждый «правильный пацан» обязан обеспечивать деньгами, чаем и куревом (гревом) осужденных, которые отбывают наказание за решеткой. Данью обкладываются даже школьники начальных классов [8].

В криминальных сообществах отсутствуют демократические начала, а напротив, существует строгая подчинённость, иерархия с жесткими императивными санкциями и неотвратимостью наказания. Санкций, используемых в криминальном мире, в отличие от уголовного законодательства, немного: денежный штраф, физическая расправа или убийство. Но эти наказания практически всегда исполняются, избежать их нельзя, даже уехав за границу, поэтому желающих нарушить криминальные каноны очень мало.

Наблюдая, как современный криминалитет, используя любые средства, стремится во власть, можно с большой долей вероятности предположить, что демократии в государственные институты им будет привнесено немного.

Очевидно, что о демократическом государстве в таких условиях говорить не придется.

Европейская Конвенция дает возможность законодателю вводить формальности, условия, ограничения и санкции в отношении распространения криминальной субкультуры в «целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности». Поэтому, возможно, следует подумать о том, как можно законодательно ограничить пропаганду криминальных традиций и убеждений о необходимости и целесообразности ведения преступного образа жизни.

Однако только ограничительными и запретительными мерами уровень влияния криминальной субкультуры на общество снизить не удастся. Автор, имея за плечами 13-летний опыт работы в местах лишения свободы, заметил, что нормы криминальной субкультуры имеют тем больший вес для индивидов, чем сильнее их изоляция от общества и строже требования режима. Так, минимальное значение эти нормы имеют для осужденных, отбывающих наказание в полуоткрытых колониях-поселениях (аналогах джайлов в США). Напротив, в тюрьмах и исправительных колониях особого режима (аналоги – тюрьмы максимальной безопасности в США) нормы и правила криминальной субкультуры в среде осужденных фактически превалируют над нормами закона.

Поэтому, на наш взгляд, обществу и государству придется приложить еще дополнительные усилия по снижению карательного потенциала мест лишения свободы.

Список литературы

1. Thrasher F.M. The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. University of Chicago Press, Chicago. 1927. 605 p.
2. Foucault M. Discipline and Punishment: The Birth of the Prison. New York: Vintage. 1979. 333 p.

3. Fox V.B. Introduction to corrections, 3rd ed, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. 1985. 493 p.
4. МВД РФ. Официальный сайт. Состояние преступности в России январь-декабрь 2016 г. URL: http://crimestat.ru/offenses_map. (дата обращения 30.03.2017).
5. Sutherland E.H., Cressey D.R. Principles of Criminology, 7th ed., Philadelphia, Lippincott. 1966. 721 p.
6. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Осъ-89, 2007. 704 с.
7. Калинин А. В. Лексика русского языка. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1978. 229 с.
8. Шеслер А.В. Субкультура «воров в законе» и её девиантные функции. Вопросы правовой теории и практики. Вып. 1. Омск, 2003. С. 28-30.
9. Shlosser E. The Prison Industrial Complex. The Atlantic Monthly. 6. 1998. p. 51-57.
10. «Арестантский уклад един»: детей заставляют сдавать деньги на общак для зоны. URL: <http://union-press.ru/> (дата обращения 30.03.2017).
11. The European Convention on Human Rights. Rome, 4 November, 1950. URL: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html>. (дата обращения 30.03.2017).

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В
СОУЧАСТИИ**

Корчагин Анатолий Георгиевич

*канд. юрид. наук, профессор кафедры конкурентного
и предпринимательского права Юридической школы
Дальневосточного Федерального университета,
г. Владивосток*

Федотова Наталья Павловна

*Председатель Лесозаводского городского суда
Приморского края*

**MODERN TRENDS IN CRIMINAL LAW AND JUDICIAL ENFORCEMENT AND
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN COMPLICITY**

Anatoly G. Korchagin

*Dr. of Law, Professor of Chair of Competition & Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok*

Nataliya P. Fedotova

*Chairman of court of the town of Lesozavodsk,
Primorye region*

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи определяется необходимостью повышения эффективности уголовного закона и решения проблем квалификации преступлений, совершённых в соучастии. Цель статьи – определить современные тенденции развития уголовного законодательства. В статье рассмотрены предложения по формированию мер противодействия организованной преступности.

ABSTRACT

The topicality of the article is defined by necessity of increase of effectiveness of criminal law and of solving problems of qualification of crimes, performed in complicity. The aim of the article is to define modern trends in development of criminal legislation. In the article there were considered propositions to form measures of countering of organized crime.

Ключевые слова: квалификация преступлений; соучастие в преступлении; тенденции уголовного закона; противодействие организованной преступности.

Key words: qualification of crimes; complicity in crime; trends of the criminal law; countering of organized crime.

1.1. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

Соучастием в преступлении признается совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Правовой порядок института соучастия в российском уголовном праве заключается в том, что каждый соучастник вносит свой вклад в общее дело (совершение преступления), а также характер вклада различает их деяние. Совместное совершение деяния в соучастии и есть общее основание, единое основание их ответственности. Из приведенного определения можно выделить основные признаки соучастия, имеющие важное значение для правильной квалификации общественно-опасного деяния. Участие в преступлении двух или более лиц – количественный признак соучастия. Любой из них должен обладать всеми признаками субъекта преступления (ст. 19 УК РФ). «Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (с. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия (п.9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»)» [18,15-17; 21; 39,10]. Совместность – качественный признак соучастия. Она означает совершение преступления при взаимодействии соучастников и согласованности их поведения. Взаимосвязь включает: а) связь информационную между поведением соучастников и б)

связь (причинную) между, с одной стороны, общественно-опасным поведением и наступлением общественно-опасных последствий. Последнее играет роль лишь в преступлениях, определенных материальными составами. Сogласованность означает наличие единства усилий соучастников для достижения общего результата. Следует обратить внимание на большое количество оценочных признаков соучастия в преступлениях, которое вызвано сложностью и многогранностью самого института соучастия. Предлагается в целях стабилизации практики разрешения уголовных дел формализовать ряд оценочных признаков. Так, обосновывается предложение по изменению ст. 32 УК РФ и оценочного признака «умышленность», участие на признак осознания». С предложением новой редакции ст. 32 УК РФ: «Соучастием в преступлении признаётся осознание участия двух или более субъектов преступления в совершении умышленного преступления» [32,7]. Термин «умышленный» используется в тексте ст. 32 УК РФ дважды, исключение ее распространяется на случаи неосторожного поведения. Причем, невозможно соучастие в неосторожном причинении вреда при выполнении сложных (с двумя формами вины) составов преступлений. Институт соучастия применяется лишь в рамках основного состава преступления. Неосторожный производный (дополнительный) результат не будет результатом соучастия [33,19].

В сложном соучастии с распределением ролей основанием для квалификации служит ст. 33 УК РФ, содержащая исчерпывающий перечень и характеристики действий каждого из соучастников преступления. Исполнителем может быть лицо, непосредственно, который сам полностью выполняет деяние, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ. Законодатель принял Федеральный закон от 21.07.2014 г. №227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия». Статья 111, 112, 115 УК РФ были дополнены квалифицированным составом – совершением преступления с применением оружия и предметов, используемых

в качестве оружия. С криминологической точки зрения обоснованность и бесспорность такой криминализации вызывает возражения. В подавляющем большинстве случаев преступлений (исполнители) применяют не оружие, а предметы, используемые в качестве оружия, и в этих случаях различия между причинением вреда «голыми руками» и предметами, используемыми в качестве оружия крайне незначительны. Противоречия в оценке вооруженного насилия очевидны. С одной стороны, законодатель признал применение оружия насилием, опасным для жизни. С другой стороны, законодатель признает его признаком средней тяжести и легкого вреда здоровью и тем самым изводит вооружение действия до уровня насилия, не опасного для жизни и здоровья. [44,22-27] К сожалению, сегодня велика вероятность того, что внесение изменений в ст. 112 и 115 УК РФ приводит к кардинальным изменениям существующей правоприменительной практики. Следственно-судебные органы будут вынуждены отказаться от указания на субъект преступления в диспозициях норм Особенной части УК РФ [22,24-29; 48,46-50]. Представляется, что законодатель может использовать все способы в комплексе. Учитывая взаимосвязь между нормами Общей и Особенной частями УК РФ, в составах преступлений, объективную сторону которых фактически смогут совершить любые лица, следует расширить круг субъектов.

Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ). Организатор отличается от других соучастников многоплановостью, многофункциональностью выполняемых действий, в связи с чем его квалификация чревата определенными сложностями и даже ошибками. Если организатор наравне с другими соучастниками непосредственно исполняет преступление, его действия должны быть квалифицированы как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Действия организатора по преступлениям со специальным субъектом согласно закону должны быть

квалифицированы по статье 33 УК РФ. Свои особенности имеет квалификация действий организатора, создающего организованную преступную группу, либо преступное сообщество. В этих случаях (квалификациях) зависит от законодательной конструкции соответствующего состава преступления и от судебной практики [43,178-180; 49,590-593]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ толкует понятие руководство преступным сообществом как осуществление управленческих функций как в отношении преступного сообщества, так и его структурных подразделений, а также его отдельных участников, так и обеспечение деятельности преступного сообщества. Руководство преступным сообществом (преступной организации) может осуществляться как единоличным руководителем преступного сообщества (преступной организации), так и двумя и более лицами, объединившимися для совместного руководства, руководители структурного подразделения, руководителем (лидером преступной группы (п.10 постановления от 10 июня 2010 г. №12)).

Наконец, последний вариант: сам организатор по независящим от него обстоятельствам не смог склонить других лиц к совершению преступления, его действия следует квалифицировать как приготовление к преступлению [36; 18,15-17; 28,39-41].

Подстрекатель, как лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления возбуждает решимость совершить конкретное преступление (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Закон содержит открытый перечень способов склонения к совершению преступления. Они делятся на а) убеждающие и б) принуждающие. К убеждающим способам подстрекательства, кроме названных в законе уговора и подкупа, относится предложение, совет, просьба и т.д. К принуждению способом пособничества, кроме приведенных в законе угроз, относится насилие, требование, приказ, распоряжение, поручение и т.д. При этом важно иметь в виду, что в любом случае взаимосвязь соучастников должна сочетаться с согласованностью их поведения. Подстрекательство необходимо отграничивать от организованной деятельности, ибо эти действия

до известных пределов схожи. Различие состоит в объеме и характере выполняемых действий. У организатора обычно деятельности гораздо больше, нежели у подстрекателя.

Ориентироваться не на объективные данные, свидетельствующие о направленности умысла, а на показания самого преступника. И квалификация деяний в этом случае будет осуществляться по фактически содеянному. Например, если в результате применения оружия наступит смерть потерпевшего, деяние будет квалифицировано по ст. 105 УК РФ, а если будет причинен тяжкий вред здоровью по ст. 111 УК РФ, средней тяжести или легкий вред здоровью по ст. 112 или 115 УК РФ соответственно [10; 11; 12]. Но при таком подходе сводится на нет цель внесенных в УК РФ изменений, а именно оптимизация практики противодействия вооруженных преступлений, поскольку «обесценивается» сама опасность вооруженного насилия и повышается латентность таких насильственных преступлений.

Необходимо отметить, также особенности квалификации соучастия со специальным субъектом, где исполнителем является специальный субъект, другие лица могут быть организаторами, подстрекателями, либо пособниками. Квалификация их действий происходит со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Верховный Суд РФ расширительно трактует соисполнительство в отдельный вид преступлений, указывая на то, что специальным субъектом (исполнителем) преступлений могут быть лица, за которыми юридически не закреплены полномочия, по которым в случае фактического выполнения юридически значимых деяний привлекаться к ответственности как исполнители [38]. Предлагаются следующие способы решения обозначенной проблемы:

- 1) в рамках института посредственного причинения вреда;
- 2) в рамках института соучастия в преступлениях, расширив объем понятия «исполнитель (соисполнитель) преступления».

Не вдаваясь в детальный анализ признаков, характерных для этого вида соучастников и способов осуществления подстрекательства остановится лишь на вопросах, имеющих значение для правильной квалификации. Так,

неудавшимся называется такое соучастие, при котором соучастники выполнили возложенные на них в процессе сговора действия, но исполнитель добровольно отказался от доведения преступления до конца. В соответствии со ст. 31 УК РФ исполнитель подлежит освобождению от уголовной ответственности (при отсутствии в его действиях иного преступления). При этом для принятия такого решения достаточно пассивной формы его поведения. Соучастие распадается.

Те, кто принимал участие в подготовке преступления, могут быть привлечены к ответственности за свои личные действия, например, за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Интересен и вопрос о возможности совокупности пособничества подстрекателю и подстрекательства исполнителю? С.Я. Улицкий [51,25-27] полагал, что:

- подстрекательство может проявиться не только в склонении к преступлению исполнителя, но и других соучастников;

- виновник может выступать не только в роли пособника исполнителя, но и в роли пособника подстрекателя;

- если эта фигура является одновременно пособником подстрекателем и подстрекателем исполнителем, то его действия можно квалифицировать как по совокупности преступлений и назначить ему наказание с учетом требований ст. 69 УК РФ.

Пособник помогает исполнителю в непосредственном выполнении преступления. Он не выполняет действий, образующих объективную сторону состава преступления и этим отличается от соисполнителя. Он не возбуждает намерения исполнителя совершить преступления, а может лишь укрепить его и этим отличается от подстрекателя. Пособник словом или делом участвует в совершении преступления, его вклад в общее дело находится в причинной связи с результатами общих усилий и совершении преступления, вменяется ему в полном объеме. В теории уголовного права обращалось внимание на роль посредника в преступлении, причем предполагалось, что если посредник содействует заключению сделки, то тогда роль посредника может быть оценена

как пособничество и не исключалось выделение действий посредника в самостоятельности состава УК РФ [19,12-16; 53,24-29; 52,71-77; 23,4-8; 47,64-70]. Законодатель федеральным законом от 04.03.2011 г. №97-ФЗ предусмотрел ст. 291.1 – УК РФ – посредничество во взяточничестве, что не противоречит существующему институту соучастия.

Проблема определения форм и видов соучастия по-прежнему вопрос теории уголовного права. Мнение, что новый УК РФ (в ст. 35 УК РФ) дает исчерпывающий перечень форм соучастия в преступлении вызывает сомнение. Уголовный закон как и раньше не использует понятия «форма соучастия», «виды соучастия». На наш взгляд, классификации форм соучастия в преступлении представляет собой также их деяние, в основу которого положены различные уровни (степени) общественной опасности совместного преступной деятельности. С учетом положения уголовного закона – классификация форм соучастия может быть следующей: 1) сложное соучастие (соучастие в тесном смысле слова); 2) групповое соучастие (соисполнительство); 3) соучастие особого рода (организованное соучастие). В свою очередь последние две формы подразделяются на виды, соответствующие разновидностям соучастия, перечисленными законодателем в ч.1-4 ст.35 УК РФ. Основанием выделения форм соучастия в данном случае выступает характер совместности соучастника и критерием разграничения группового и организованного соучастия – степень согласованности и ориентированности их совместной деятельности. При этом сложное соучастие с юридическим разделением ролей, ответственность за которую предусмотрена ст. 33 и 34 УК РФ. Групповое соучастие (соисполнительство) выделены законодателем в ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ (группа лиц и группа лиц по предварительному сговору). Термин «преступная группа», «групповое преступление», «групповой способ» широко используется в уголовно-правовой литературе. Проблемой является то, что в состав группы лиц по предварительному сговору, обязательно должно входить хотя бы два соисполнителя (данная точка зрения разделяется и Верховным Судом РФ (в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве»). Значит, если наряду с организатором, подстрекателем или пособником убийство непосредственно совершается одним исполнителем, то квалификация содеянного по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ невозможно ни в отношении исполнителя, ни в отношении других соучастников. Возникает вопрос: два лица предварительно договорились совершить убийство, причем одно из них выполняет роль организатора. Безусловно они являются соучастниками. Но форма их соучастия, оказываемая группу не образует [8,4-6]. Можно ли в таком случае утверждать, что действия двух соисполнителей без предварительного сговора более опасна, чем действие соучастников с распределением ролей, но с одним исполнителем? В этой связи мы предлагаем квалифицировать признак, предусмотренный п. «ж» ч.2 Ст. 105УК РФ – совершение убийства по предварительному сговору группой лиц – вменить каждому члену группы лиц по предварительному сговору во всех случаях, независимо от числа исполнителей.

Нам представляется странная позиция законодателя, который в главе 26 УК РФ ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 УК РФ не устанавливают разницы в степени общественной опасности очевидно разных форм соучастия с группой лиц по предварительному сговору и организованной группы, размещая их в рамках одной части статьи и предусматривает за совершение преступления при их наличии одинаковые пределы наказания. Едва ли это правильно и соответствует современной уголовной политике, в частности положением о необходимости дифференциации уголовной ответственности. Из содержания ч. 2 и ч. 3 ст. 35 УК РФ, следует, что отличие группы лиц от группы лиц по предварительному сговору участников от организованной группы заключается не в наличии заранее договоренности, а в том, что лица заранее объединяются для совершения преступлений [26,20-24].

Соорганизованность соучастников повышает и общественную опасность преступного объединения, что обусловило необходимость различия законодателем организованной группы (ч. 3 ст. 335 УК РФ) и преступного

сообщества или преступной организации (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Мы разделяем мнение о том, что законодательное понятие преступного сообщества выходит за пределы традиционного понимания института соучастия [15,8-11].

1.2.Противодействие организованной преступности и уголовно-правовое воздействие. Состояние организованной преступности в последнее время имеет волнообразную динамику, темпы прироста которой в первые пятилетие варьировались в пределах 25-35 тыс. преступлений, а в последние пять лет амплитуда снизилась до 29-31 тыс. преступлений в год (при этом доля организованных преступлений снижается и составляет менее 1 %). Фактически, по оценкам экспертов, эти дела составляют не менее 10% [41,54-61]. Характеристика структуры и характера форм преступности показывают, что на первом этапе постсоветского периода, заключительная часть зарегистрированных преступлений, учтенных за организованными группами (до 80 %), составляют кражи, грабежи, разбои, вымогательства и другие общеуголовные преступления. Изменения в структуре зарегистрированной организованной преступности, начались в 2013 году, когда доминирующую долю составили преступления экономической направленности (до 60%). Кроме того, в последние годы в структуре организованной преступности появились преступления террористического и экстремистского характера, доля которых постепенно растет [9,32-34; 50,277-302; 1,55-65].

Анализ динамики состояния и структуры организованной преступности в постсоветский период позволяет влиять и на другие основные тенденции по развитию. Так, важной особенностью организованной преступности является криминализация экономических отношений, сопровождающаяся легализацией лидеров организованных групп. Сегодня, по оценке экспертов, 22 % экономики страны прямо или косвенно принадлежит организаторам и руководителям преступных сообществ и организациям, которые продолжают укреплять позиции в традиционных отраслях преступной деятельности.

В целом осложняется процесс расследования преступлений, совершенных организованными формированиями и это обстоятельство становится

очевидным только по итогам их раскрытия. При этом в последние годы организованные преступные группы в значительной мере активизировали усилия по противодействию правосудию. Организованная преступность серьезно влияет на формирование региональной власти в России, а отсюда – активные вовлечение в нее коррумпированных пособников различного уровня и сфер влияния. Между тем динамика преступлений коррупционного характера и связанных с ними преступлений по службе, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ в России, свидетельствуют о тенденции снижения их регистрации, с 1355 преступлений в 2000 г. до 447 в 2008 г. (в 3 раза). Вместе с тем, в настоящее время происходит расширение организованной группой коррупционных услуг, несмотря на предпринимаемые государством меры противодействия в этом направлении. По данным МВД РФ, криминальные структуры тратят на подкуп должностных лиц от 30 до 150 % доходов преступных сообществ (от 600 млрд. до 1 трлн. руб.). До 40 % от сумм кредитов или ссуд возвращается в виде наличности в карманы коррумпированных чиновников. При этом отличается устойчивая позиция перехода от решения разовых проблем за взятку к постоянному сотрудничеству на договорной основе [54].

Процесс становления организованной преступности достиг такого качественного и количественного уровня, при котором группировки вынуждены отстаивать свои интересы перед конкурентами. Все больше ужесточаются формы и методы борьбы за сферы контроля. Постоянная борьба за передел сфер влияния приводит к ожесточениям, столкновениям между преступными кланами и физическому уничтожению соперников, а это, в свою очередь, способствует появлению мощных преступных синдикатов, способных защитить свой преступный бизнес и своих членов.

Одной из современных тенденций российской организованной преступности является и расширение транснационального характера преступной деятельности. Развитая организованная преступность со временем неизбежно принимает международный или транснациональный характер.

Уровень регистрации преступлений, совершенных организованными преступными группами или преступными сообществами с использованием международных связей, т.е. транснационального характера, невысок, но стабилен. Их пик приходится на 2003 г. (496), а затем наблюдается некоторое снижение в регистрации – до 386 преступлений в 2008 г. В целом сложно констатировать высочайшую латентность этих преступлений: поскольку они имеют транснациональный характер, значительная часть преступной деятельности перенесена за пределы России. Современной тенденцией является процесс пересечения российской организованной преступности с террористической и экстремистской деятельностью, что во все предшествующие периоды ей не было свойственно **[41,61; 28,7-8]**.

Современный криминологический анализ преступных сообществ позволяет сформулировать их следующие признаки:

1. Сложная (многоуровневая) структура преступного формирования; наличие в рамках криминального образования структурных подразделений (бригад, звеньев, блоков и т.д.).

2. Руководство преступным формированием сильным, авторитетным лидером; разделение функций управления сообществом и участием в конкретных преступлениях **[45,39-47]**.

3. Устойчивость преступной структуры и сплоченность ее участников, достигаемая посредством установления и обеспечения иерархии подчинения, строжайшей дисциплины, единых и жестких правил взаимоотношений и поведения санкциями за нарушение неписанного «устава» сообщества, круговой поруки, разработки специальных мер защиты и конспирации и т.д.

4. Формирование в рамках криминального образования общей денежной кассы («общака»), контролируемой лидером.

5. Установление контактов с должностными лицами государственных и муниципальных в том числе правоохранительных органов, (коррупционные связи); стремление в максимальной степени обезопасить криминальное формирование, в том числе, придавая своей противоправной деятельности

легальный характер [2,4-8; 3,110-115; 24,13-15; 15,10]. И вчера и сегодня (изучение уголовных дел) свидетельствует о том, что одна из самых распространенных ошибок на стадии предварительного расследования преступлений данной категории (является отсутствие в материалах уголовных дел сведений, которые бы свидетельствовали о сплоченности организованной группы.). Значительная часть проблем связана с правильных оценок уже на ранних этапах расследования, уголовно-правовых признаков преступного сообщества. Если организованную группу законодатель определяет как устойчивую группу, то преступное сообщество (преступную организацию) называет сплоченной организованной группой. В науке уголовного права пока не выработано общепризнанного понятия сплоченности преступного сообщества (преступной организации). По мнению законодателя, сплоченность признак группы свойство организации. В судебной практике сложился подход, в соответствии с которым сплоченность членов преступных групп признается свидетельством ее устойчивости (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»). Это приводит к тому, что происходит слияние уголовно-правовых, криминологических, социологических, психологических критериев, создается множество вариантов для доктринального толкования [29,51-56; 13,16-20; 14,10-13]. В соответствии с новыми изменениями УК РФ для выявления преступного сообщества необходимо установить наличие организованной группы, обладающей определенной структурой, имеющая цель совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды. Таким образом, отличие преступного сообщества иной групповой формы совершения преступлений теперь более понятны (ч.4 ст. 35 УК РФ). Подтверждением данного суждения является п.2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества

(преступной организации), или участия в нем (ней)», в котором утверждается, что преступное сообщество – это организованная группа:

- обладающая структурированностью;

- созданная в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;

- либо объединение групп, действующих под единым руководством, созданное в тех или иных целях. Таким образом, структурированность выступает обязательной и важнейшей характеристикой преступного сообщества. Не случайно, при отсутствии данного признака судебные органы исключают обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ [7,4-7; 32,20-22; 17,85; 18,15-17]. В теории уголовного права обращает внимание на то, что признак «организованности» должен разграничивать неорганизованные формы соучастия (соисполнительство, соучастие с распределением ролей, группу лиц и группу по предварительному сговору) и организацию (организованную группу, преступное сообщество (преступная организация)). Еще один момент заключается в том, что Пленум в Постановлении указывает на внутреннюю связь целей структурного подразделения с целями преступного сообщества (преступной организации)», необходимости их соразмерности и соответствия. Следовательно, если цели «группы лиц», «группы лиц по предварительному сговору», либо «организованной группы» не соответствует целям преступного сообщества (преступной организации) или выходят за их рамки, то такую группу нельзя признать структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации) [31,39-41; 16,9-14]. По мнению П. Агапова, для повышения эффективности применяется ч. 4 ст. 35 УК РФ (и правильности применения многих норм Особенной части УК РФ) необходимо было отказаться от оценочных формулировок и использовать отсылочное изложение диспозиции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно подготовлено или совершено структурированным, состоящим из двух или

более организованных групп, иерархическим объединением, созданным для систематического совершения преступлений» [4,4; 5,55-65]. С таким предположением следовало бы согласиться хотя бы потому, что использование критериев устойчивости, сплоченности, вооруженности не дает возможности отграничить иные организованные формирования осуществления экстремистской деятельности. Преступное сообщество (преступная организация) является иерархическим объединением преступных групп более высоких по уровню организации и более общественно опасные, чем незаконное вооруженное формирование, банда, террористическая организация, экстремистской группы или объединение, посягающее на личность и права граждан, которые являются разновидностями организованной группы. Особыми разновидностями преступного сообщества (преступной организации) являются террористические и экстремистские сообщества (организации). Только в составе преступного сообщества, по нашему мнению, могут быть совершены преступления, предусмотренные ст. 278, 279, 353, 359 УК РФ.

Новая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ включила указание на дополнительную (по сравнению с прежней редакцией нормы) цель. Для того, чтобы быть признанными членами не просто в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких, либо особо тяжких преступлений (цель №1), но и прямо или косвенно финансово или иной материальной выгоды (цель №2), которые непрерывно связаны с конкретным мотивом. Данное законодательное определение не лишено недостатков. Во-первых, определять качество криминальной структуры через тяжесть совершенных (планируемых) преступлений ее участниками не совсем корректно (для совершения тяжких и особо тяжких преступлений могут быть созданы и группы лиц по предварительному сговору и организованная группа). Во-вторых, в преступное сообщество (преступная организация) может фактически создаваться для совершения преступлений иной категории, а не только тяжких и особо тяжких (например, преступление в сфере экономической деятельности). В-третьих, указание на «получение прямо или косвенно финансовой или иной

материальной выгоды» осуществлено в целях приведения в соответствие российского уголовного законодательства с положениями Конвенции ООН против транснациональной преступности от 15 ноября 2010 г. [46] Вместе с тем преступное сообщество (преступная организация) может преследовать и иные цели, не связанные с получением указанной выгоды [6,5-6; 16,11; 37,48-51].

Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 210 УК РФ, расширили объективную сторону состава преступления и дают больше, на наш взгляд, возможности правоохранительным органам для борьбы с преступными авторитетами. Благодаря данной формулировке (ч. 1 ст. 210 УК РФ) под уголовную ответственность подпадают действия, не только непосредственные создатели и руководители преступного сообщества, но и уголовных авторитетов, которые не имеют прямого отношения к созданию и руководству. Но при этом обладают контрольными и финансовыми полномочиями, в рамках деятельности данного сообщества. Однако обратим внимание, что при таком подходе можно привлечь к уголовной ответственности преступного авторитета при отсутствии прямого и косвенного умысла, а поэтому следственным органом во избежание злоупотреблениями собственными полномочиями необходимо не забывать о возможных эксцессах исполнителя и не нарушать принципов уголовного закона [25,19-22; 20,1477-1483]. Все общественно опасные деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 210 УК РФ, могут быть выполнены субъектами, предусмотренными в ч.3 и 4 ст. 210 УК РФ, а именно «лицом с использованием служебного положения» и «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии». Возникает вопрос обоснования ли усилении уголовной репрессии в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ)? По данному вопросу существуют различные суждения (практически, при одних и тех же доводах) В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов не смогут игнорировать наличие в криминальном мире «преступной иерархии», поэтому они будут вынуждены в своей деятельности использовать криминологические познания в указанной сфере [30,53-57]. Другие же обращают внимание на то, что

терминологическое понятие преступной иерархии, высшего положения, а также лица, его заменяющего не имеют однозначного содержания (критерия), а потому являются не уголовно-правовыми, а криминологическими. Представляется методически и методологически неверным внедрение «размытых» категорий в отрасль законодательства, не допускающей аналогии [34,16-21].

На наш взгляд, есть более важный аргумент – это деятельность воров в законе и их общественная опасность. Если мы исходим из идеи, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ п. 24 предполагает учет не самого статуса лица, занимающего положение в преступной иерархии, а преступные действия конкретного лица, свидетельствующие его авторитете и лидерстве, то тогда неужели деятельность воров в законе должна предусматривать наказание в виде пожизненного лишения свободы? Сейчас, устанавливается наказание в виде пожизненного лишения свободы за некоторые преступления против общественной безопасности (в частности, за террористический акт), презюмирует, что их совершение влечет за собой многочисленные человеческие жертвы. Очевидно, что, к примеру, сам факт воровской сходки не влечет за собой столь разрушительные общественно-опасные последствия. С другой стороны, понятно ориентированность законодателя на борьбу именно с преступными авторитетами и непосредственными инициаторами и координаторами преступных сообществ. Но ведь авторитет в преступной иерархии заслуживается и за счет судимости преступника, а значит наказание для данной категории лиц можно увеличивать, используя норму уголовного закона о рецидиве преступлений. Грамматический способ толкования уголовного закона приведет к тому заключению, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – это специальный субъект преступлений, занимающих руководящее место или играющий руководящую роль в системе отношений, сложившихся в преступных организациях, основанных на подчинении низших участников этой организации высшим, т.е. что фактически является лицом, осуществляющими

управленческие функции, определяющие основные направления преступной деятельности, организующие конкретные преступления [40,67-70]. При этом наличие у лица статуса «вора в законе» само по себе еще не является безусловным основанием считать его лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, поскольку наличие этого статуса не означает, что именно это лицо является лидером преступной организации.

На наш взгляд, сложности заключаются не в отсутствии идей теоретических возможностей ужесточения уголовной ответственности за участие в преступном сообществе (преступной организации) [35,12-16; 42,64-71], а основной проблемой применения рассматриваемых новелл уголовного закона является их криминологическая составляющая, которая не имеет однозначного толкования и требует обобщения судебной практики.

Список литературы

1. Агапов П.В. Основания и признаки криминализации организованной преступной деятельности // Государство и право. 2010. №3. С. 55-65.

2. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые проблемы юридической оценки. // Уголовное право 2006. №2. С. 4-8.

3. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые аспекты криминологической характеристики. // Уголовное право. 2008. №3. С. 110-115.

4. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые проблемы юридической оценки. // Уголовное право, 2006. №2. С. 4.

5. Агапов П.В. Основания и принципы криминализации организованной преступной деятельности. // Государство и право. 2010. №3. С. 55-65.

6. Агапов П. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности // Уголовное право. 2009. №6. С. 5-6.

7. Агапов П. Уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной преступности. // Уголовное право. 2009. №6. С. 4-7.
8. Арутюнов А. Квалификация преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору. // Уголовное право. 2007. №3. С. 4-6.
9. Арутюнов А.А. Современные тенденции групповой и организованной преступности. // Российский следователь, 2012. №22. С. 32-34.
10. Архив Краснодарского краевого суда, уголовное дело №1-99/15.
11. Архив Приморского краевого суда, уголовное дело 22/1806 за 2015 г.
12. Архив Ульяновского областного суда, уголовное дело №1-113/15.
13. Балеев С. О понятии преступного сообщества (преступной организации). // Уголовное право. 2007. №3. С. 16-20.
14. Балеев С. Соучастие в преступлении и организованной преступной деятельности: законодательная регламентация и доктринальное толкование. // Уголовное право. 2009. №5. С. 10-13.
15. Балеев С. Соучастие в преступлении: формы и классификации. // Уголовное право. 2006. №5. С. 8-11.
16. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы причинения. // Уголовное право. 2010. №2. С. 9-14.
17. Благоев Е.В. Уголовное законодательство: текст, комментарий, судебная практика (Общая часть). – М.: Проспект, 2015.
18. Бражников Д., Бычков В. Сплоченность как признак бандитизма. // Уголовное право. 2006. №1. С. 15-17.
19. Бриллиантов А. О правовой оценке роли посредника в преступлении. // Уголовное право. 2006. №5. С. 12-16.
20. Быков В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ / «О судебной практике по уголовным делам о преступной экстремистской направленности»: Научный комментарий. // Право и политика. 2011. №9. С. 1477-1483.
21. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №3.

22. Винокуров В.Н. Квалификация соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Уголовное право. 2010. №2. С. 24-29.
23. Горбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразование пособничества. // Уголовное право. 2011. №5. С. 4-8;
24. Коновалова И.Ю. Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву. // Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Казань, 2008.
25. Королев А.С. Борьба с преступными авторитетами в рамках новых положений Уголовного кодекса Российской Федерации (краткий анализ изменений, предусмотренных федеральным законом №245-ФЗ от 3 ноября 2009 г. // Российский следователь. 2010. №19. С. 19-22.
26. Лопашенко Н. Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях. // Законность. 2007. №10. С. 20-24.
27. Мальцев В. Бандитизм: особо опасное социальное явление или юридическая фикция? // Законность. 2012. №10. С. 39-41.
28. Мацинский Р.В. Региональная криминологическая детерминация организованной преступной деятельности (по материалам Восточно-Сибирского региона. // Автореф... канд. юрид. наук – Иркутск, 2007.
29. Мондохонов А. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации). // Уголовное право. 2010. №2. С. 51-56.
30. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. №5. С. 53-57.
31. Мондохонов А. Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации). // Уголовное право. 2009. №1. С. 39-41.
32. Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлениях // Автореф... дис. канд. юрид. наук – Краснодар, 2009.
33. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления // Автореф... дис. док. юрид. наук – М., 2006.

34. Никитин С.Г. Проблемные аспекты новелл УК РФ о преступных сообществах (преступных организациях). // Следователь. 2010. №1. С. 16-20.

35. Номоконов В.А., Железняков А.М. Организация преступного сообщества: реконструкция нормы. // Криминологический журнал. 2010. №1 (II). С. 12-16.

36. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. №3.

37. Панченко П., Кашенин В. Цели нападения при бандитизме. // Уголовное право. 2007. №3. С. 48-51.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2013 г. №64. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» (п.7).

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июля 2008 г. №8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)». // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. №8.

40. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. №5. С. 67-70.

41. Репецкая А.Л. Российская организованная преступность в эпоху глобализации: состояние, структура, основные тенденции развития. // Криминологический журнал. 2010. №1 (II). С. 54-61.

42. Ростокинский И.В. К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участия в преступном сообществе. // Журнал российского права. 2007. №7. С. 64-71.

43. Семернёва Н.К. Квалификации преступлений (часть Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2015.

44. Сидоренко Э.Л. Причинение вреда здоровью и применением оружия в свете изменений российского уголовного законодательства // Российский следователь. 2015. №5. С. 22-27.

45. Существует мнение, что основанием криминологической классификации являются преступники, как представители общественных отношений. Скоморохов Р.В. К вопросу об основании криминологической классификации. // Государство и право. 2010. №4. С. 39-47.
46. Собрание законодательства РФ. 2004. №40. Ст. 3882.
47. Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве. // Уголовное право. 2012. №2. С. 64-70.
48. Трухин А.М. Соучастие в преступлении // Уголовное право. 2006. №3 С. 46-50.
49. Уголовное право России: Общая часть. Учебник. / под ред. Кропачева Б.В., Волженкина Б.В., Орехова В.В. – СПб: Издательский Дом С.- Петербург. гос. ун-та, 2006.
50. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / по ред. В.В. Лунеева - М.: Издательство Юрайт, 2010.
51. Улицкий С.Я. Институт соучастия в судебной практике // Законность. 2005. №11. С. 25-27.
52. Шарапов Р., Моисеенко М. Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки. // Уголовное право. 2010. №1. С. 71-77.
53. Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве. // Законность. 2013. №2. С. 24-29.
54. При этом наблюдается тенденция с одной стороны, сокращения выявления коррупционных преступлений, а с другой, когда при таком выявлении коррупционных преступлений до конца дошли всего 100 уголовных дел и только 30 коррупционеров по решению суда было осуждено. // Рос. газета, 15 июня 2012 г.

**НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ЯВЛЕНИЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Сергей Владимирович Шошин

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г.Чернышевского, юридический факультет, кафедра уголовного, экологического права и
криминологии, доцент, кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Саратов*

**SOME PERSPECTIVE DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE
THEORY OF CRIMINALISTICS UNDER THE CONDITIONS OF THE
GLOBALIZATION PHENOMENA**

Sergey V. Shoshin

*Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky, Faculty of Law,
Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Associate Professor, Candidate of
Legal Sciences, Associate Professor
Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

Особенности анализа философской компоненты современной российской криминалистики требуют нового подхода. На протяжении нескольких десятилетий советского периода развития категория идеологии вносила значительный вклад в процесс определения траекторий развития отечественной криминалистики. В процессе интеграции с достижениями мировой криминалистики произойдет значительная корректировка прежде годами существовавших в качестве незыблемых и догматичных точек зрения.

ABSTRACT

Peculiarities of analyzing the philosophical component of modern Russian criminalistics require a new approach. For several decades of the Soviet period of development, the category of ideology made a significant contribution to the process of determining the trajectories of the development of

domestic criminalistics. In the process of integration with the achievements of world criminalistics there will be a significant correction for years before existed as unshakable and dogmatic points of view.

Ключевые слова: криминалистика; философия; право; теология; идеология; инновации; кризис; трансграничная; мировая.

Key words: criminalistics; philosophy; law; theology; ideology; innovation; crisis; cross-border, world.

Сегодня различными авторами анализируется проблемы, обусловленные нахождением современной российской криминалистики в состоянии системного кризиса [1, с. 17]. Здесь следует выделить возникновение потребности обратиться к исследованию философской составляющей современной отечественной криминалистики. Многочисленные, порой весьма вариативные по своей сущности, корректировки доминирующей в отечественном обществе идеологии нашли свое отражение, среди прочих отраслей науки, и в источниках из числа специальной литературы по криминалистике [2, с. 52]. Для сравнительного анализа подобной ситуации, в частности, можно рекомендовать обратиться к текстам иностранных источников по криминалистике. Иностранные авторы, традиционно, оказываются полностью свободными (как минимум, исходя из содержания публикуемых ими научных текстов) от идеологических догм, стереотипов и доминирующих политических точек зрения конкретного периода развития российской (прежде – советской) истории [3, с. 7]; [4, с. 8]. Исключением здесь можно определить некоторых иностранных ученых, специализировавшихся в сфере криминалистики в странах, прежде придерживавшихся советской ориентации (соответственно, в аналогичный период развития государственности данных стран) [5, с. 6].

На наш субъективный взгляд, теория криминалистики должна быть свободной от идеологических догм. При этом российская криминалистика (как минимум по указанному показателю) не должна коренным образом отличаться

от национальных криминалистических (и аналогичных им теорий), существующих в ряде современных иностранных государств. При воплощении в жизнь такой серьезной корректировки траектории развития отечественной криминалистики достоянием лишь национальной истории развития науки сможет стать проблема изолированности российской криминалистики от продуктов творчества иностранных коллег, являющихся авторами научных работ в аналогичных сферах науки. Сложно доказать актуальность существования полностью изолированной от подобных внешних инноваций, иных точек зрения в науке, как сугубо обособленной науки, российской криминалистики. Даже утверждение о наличии неких ограничительных грифов на отдельные сегменты информации, содержащейся в источниках криминалистических знаний, с нашей точки зрения, не способно подтвердить актуальность подобной изоляции. Для иллюстрации можно отметить, что даже в сугубо не отличающейся особенной публичностью оперативно-розыскной деятельности вопросами международного (транснационального) сотрудничества занимается достаточное число как отечественных, так и иностранных авторов. Похожие проблемы трансграничного международного сотрудничества вызывают интерес и у отечественных ученых – криминалистов [6, с. 239]. Вместе с тем, до возникновения полноценной трансграничной криминалистики с участием российских ученых сегодня говорить несколько преждевременно. Как, впрочем, и до формирования комплексной международной оперативно-розыскной деятельности.

Хотя и сегодня стали достоянием прошлого многие ограничения на выезд из страны, сегодня личное непосредственное участие в научных конференциях, проводимых за пределами территории РФ, российских ученых – криминалистов, встречается крайне редко. Причин этому – множество: как сложность в языковом плане личного общения, свойственная, к сожалению, некоторым акторам, так и ограниченность материальных ресурсов российских университетов и иных высших учебных заведений. Обмен научной информацией и совместный поиск актуальных направлений для развития

научной теории криминалистики во многом сегодня реализуется на практике с использованием потенциала всемирной сети интернет. В итоге, в международных системах индексации показателей результатов научной деятельности сведения, иллюстрирующие результаты, полученные отечественными учеными – криминалистами, имеют, мягко скажем, значительное пространство для своего значительного увеличения. Это обстоятельство касается как ученых – криминалистов федерального уровня, так и (в значительно большей степени) и криминалистов региональных высших учебных заведений. Включенность в индексацию в системах международного цитирования Scopus и WoS российских ученых – криминалистов способна сыграть позитивную роль в развитии отечественной криминалистической теории.

В указанном сегменте активного учета подобного проявления факторов глобализации администрацией Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского включение на приоритетных основах в отчетные показатели ученых публикаций их в изданиях, включенных в системы индексации научной информации Scopus и WoS, можно оценить сугубо положительно. Такая же ситуация складывается и в Саратовской государственной юридической академии и в других высших учебных заведениях не только территориально расположенных в городе Саратове, а и на других территориях РФ. Здесь имеется огромное пространство для расширения поступательного движения отечественных ученых, специализирующихся в сфере криминалистики. Значительное число проблем, возникающих на этом пути, вполне может быть преодолено при надлежащем подходе к решению данной проблемы как в организационно-хозяйственном, так и в сугубо кадровом аспекте. Опыт администрации Высшей школы экономики, уже даже сформировавшей официальный перечень не заслуживающих доверия изданий, входящих в указанные выше системы международного научного цитирования, является хорошей тому иллюстрацией.

С учетом сложившихся в отечественной криминалистике сегодняшнего дня объективных и субъективных условий, даже при научном исследовании категории философии криминалистики, порой, не всеми авторами выделяется проблематика ее российской идеологической компоненты [7, с. 104]. Вместе с этим не стоит сбрасывать со счетов и наличие потенциальной возможности внесения некоторых инновационных, креативных, дополнений в научное поле указанной научной дискуссии. Интерес в указанном аспекте может вызвать определение продолжительности времени, которое потребуется для столь актуального сегодня реформирования. Ссылки на публикации недоступных (недостижимых) прежде для критики «классиков», авторов многочисленных догм и постулатов прошлых столетий, вполне вероятно, могут уступить свое место иным, значительно более стабильным на протяжении длительного времени, источникам.

Российская криминалистика сегодняшнего дня не является некоей изолированной от других юридических дисциплин структурной единицей. Похожая ситуация в ситуации со структурой и содержанием идеологического наполнения похожая ситуация сегодня может быть выявлена и в гражданском праве, и в уголовном праве, равно как и в гражданском и уголовном процессе. Более того, данный перечень юридических дисциплин в условиях сегодняшней российской реальности, к сожалению, не является исчерпывающим.

Философская компонента требует скорейшего включения в полном объеме в современную российскую криминалистику, как минимум, в аспекте актуальности формирования полноценных методик расследования преступлений, связанных с различными посягательствами на чувства верующих. Как некий ориентир для подобного поступательного развития отечественной юридической науки (в частности – криминалистической) можно назвать, например, выделяемую некоторыми авторами криминотеологию [8, с. 40]. Отдельным вопросом стоит выделить потребность выделения в самостоятельную категорию сведущих (компетентных) лиц, привлекаемых к деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений,

субъектов из числа физических лиц, осведомленных в соответствующих вопросах религиозных знаний. Длительные годы доминирования господствовавшей прежде на российской территории идеологической компоненты не давали даже повода сформулировать указанную выше насущную потребность практики современной российской криминалистики. С появлением на территории современной Российской Федерации первого диссертационного совета по теологии становится возможным считать познания в сфере теологии полноценной научной субстанцией. Прежде Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки утвердила паспорт научной специальности на новую научную специальность: «теология». Тем самым мы сталкиваемся с очередным историческим кардинальным (коренным) изменением содержания существующих общественных отношений. С другой стороны, происходит некая корректировка содержания категории «лженаука», применительно к целому спектру столь значимых общественных отношений. Отношение к религиозным постулатам не является здесь единственным исключением из сформировавшихся на протяжении многих лет традиционных подходов. К числу проявлений категории «некорректный опыт» теперь становится возможным, например, отнести указываемый прежде как широко распространенный опыт повторное возвращение убийцы на место совершенного им прежде деликта. Значительные по своему размеру силы из числа личного состава сотрудников правоохранительных органов, задействованные для выслеживания личности такого потенциально предполагаемого (и ожидаемого) возвращения убийцы на место происшествия, традиционно, в большинстве случаев, приводят к отрицательному результату. На наш взгляд, актуальной в связи с указанным изменением общественных отношений, корректировка соответствующих точек зрения теории и практики применения криминалистического знания в современных российских условиях. Похожее отношение сегодня может быть сформировано и к не особенно соответствующее сегодняшней действительности мнение о том, что с заявлением о пропаже человека без вести в подавляющем большинстве случаев

обращается лично лицо, криминальным образом лишившее подобного потерпевшего жизни. Такое утверждение не оказывается подтвержденным современной российской следственной практикой. Судебная практика в РФ также это не подтверждает. Одним из объяснений указанной нестыковки можно, среди прочих (многочисленных) доводов указать изменение условий жизни и деятельности российского населения, в том числе и склонного к фактическому совершению криминальных деяний.

Отдельного, причем пристального внимания, сегодня заслуживает и философский анализ отношения содержания современной отечественной криминалистики по отношению к парадигме «человек – мир». При кажущейся простоте и некоем примитивизме, в указанной парадигме кроется много концептуальных моментов. Например, выделение человека, человеческой жизни, на первое место при анализе отношения человека и окружающего мира. До сегодняшнего дня научные исследования аспектов безопасности персонала правоохранительных и иных силовых органов (структур), задействованных в процессе выявления, раскрытия и расследования криминальных деликтов еще не встречают должной поддержки и одобрения теоретиков от сегодняшней российской криминалистики [9, с. 23]. Особо здесь надлежит выделить проблемы, касающиеся актуальности обеспечения безопасности такого персонала (личного состава правоохранительных и иных органов) и иных лиц в аспекте работы на месте происшествия с потенциально опасными взрывчатыми веществами. Современные непрерывно развивающиеся инновационные технологии периодически дают значительную пищу для размышления об актуальности подобных мер безопасности для соответствующих лиц, создавая новые, прежде не анализировавшиеся авторами из числа российских криминалистов объекты, способные создавать такие угрозы. Несомненно, на продолжении всего развития науки и технологий, данный перечень потенциальных угроз для персонала и иных лиц при работе с опасными объектами, будет оставаться открытым. Возможно, для преодоления некоторых подобных угроз безопасности актуальным может оказаться использование

опыта, накопленного военной наукой. Причем как отечественной военной наукой, так и иностранной. В любом случае, с нашей субъективной точки зрения, несомненно, востребованным в данном направлении должен оказаться обширный опыт, накопленный учеными и практическими работниками США, стран Европейского Союза и ряда иных государств, в попытках решения таких же проблем. Тем самым, мы вновь и вновь приходим к мысли (тезису) о спорности позитивного влияния государственных границ на показатели результативности национальной криминалистической теории.

Определенным итогом влияния отдельных проявлений процессов глобализации на существо современных российских общественных отношений можно назвать и возникновение актуальной потребности в корректировке отношения к идеологической компоненте отечественной криминалистики. Здесь, как минимум, можно усмотреть наличие значительного пространства для проведения дальнейших комплексных научных исследований (изысканий).

Список литературы

1. Кривошеин И.Т. О системном кризисе криминалистики// Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. Иркутск, 2016. Выпуск 6. С. 138-146.
2. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и принципы построения методологических основ конкретных юридических наук// Труды Высшей школы МВД СССР. Вып. 27. – Москва: НИиРИО МВД СССР, 1970.- С.с. 51-63.
3. Charles R. Swanson, Neil C. Chamelin, Leonard Territo Criminal investigation. - 7th ed. - Boston [etc.]: McGraw-Hill, cop. 2000.- p. 32.
4. Руководство по научной судебной криминалистике.- Вашингтон. 1994. С. 8.
5. Dikopf P., Holle R. Bundeskriminalamt. Bonn, 1971.-s. 6.
6. Хижняк Д.С. Специфика транснациональной криминалистической (следственной) ситуации и ее типовая модель// Вестник Костромского

государственного университета им. Н.А.Некрасова. №5. Т. 22. - Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2016. – С.с. 237-240.

7. Волынский А.Ф., Лапин Е.С. К вопросу о философии криминалистики// Вестник Московского университета МВД России. №4.- М.: МУ МВД России им. В.Я.Кикотя, 2012.- С.с. 103-107.

8. Старков О.В. Криминотеология = Criminology: религиозная преступность. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

9. Шошин С.В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве. Дисс. ... к.ю.н.: Специальность: 12.00.09: уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности.- Саратов, 2000. – с. 23-24.

УДК 340.1

ГРНТИ 10.07.27

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Иванов Александр Михайлович

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории

государства и права Юридической школы

Дальневосточного федерального университета,

г. Владивосток

E-mail: Ami_25.07@bk.ru

IS THERE STILL THE NEED OF STUDY AND TEACHING OF PHILOSOPHY OF LAW IN THE MODERN WORLD?

Aleksandr M. Ivanov

Dr. of Law, Assistant professor of Chair of Theory &

History of State and Law,

Law School of Far Eastern Federal University,

Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Четкое понимание природы и сути права позволяет не только выработать правильное определение данного явления, но и сформировать адекватное отношение к нему всех слоев населения, укрепить их консолидацию в решении социальных проблем, способствует участию населения в реализации прав человека, строительстве «правового государства», полагает автор, приглашая читателей к осмыслению этой проблемы.

ABSTRACT

The clear understanding of the nature and essence of law allows not only to elaborate a correct definition of that phenomenon, but to develop an adequate attitude toward it by all the layers of the population, to strengthen their consolidation in solving social problems, helps to involve the population into taking part in realization of human rights, and in the construction of 'ruling law'

state /Rechtsstaat as well, supposes the author of the article, inviting the readers to consider of that problem.

Ключевые слова: мораль; право; естественное право; позитивное право; права человека; правовое государство; философия права.

Key words: law; morality; natural law; positive law; human rights; ‘ruling law’ state; philosophy of law.

“The ancient science ever young –
About sense of words
And of the righteous way,
Which turns a human being to a Man,
Lets us ‘unjust’ from ‘just’ divide
Without mistake”.

General subject of philosophy of law. One of the main, if not the main, question - for the lawyers, law obedient citizens, politicians, even for the law offenders/ breakers etc., that is, for everybody, in every country is – “What is the Law”? Through the centuries people had noticed, that everything and every being in the world exist as the thing or the being itself and – as a part of the surrounding world. And the life of a thing or of a being goes in strict accordance with some relations or/and rules. Participation in relations with the outer world makes a thing or a being to a subject or to an object of relations, where it either influences the other things or beings of the world or itself undergoes some influences from other parts of those relations. And people also noticed, that following or not following the rules of the world causes different consequences. So that, the following the rules brings all the things and beings into some harmony, where not observing the rules may cause a damage, loss, harm. The dimensions of the damage depend on the degree of deviation from the rules of relations, from the “course of life”. Those rules were called by some scholars “Universal Law” [2] or “Natural Law” [11]. One of the living beings, called “man”, was not always satisfied by being sometimes an object of relations, and preferred to be acting only as a subject of relations, especially in relations with ‘not living’ things or beings. He tried to compose his own rules and make live other

beings as well as the “representatives of the kind of his own”/ relatives, according to the rules which, he thought, might satisfy him more, even if his rules contradict to the rules of the “universal law”. Such rules, set by the “man”, were called “positive law” [9; 10].

As we see, even from the names of those “laws”, they correlate or correspond to each other as “the law which cannot be changed, unchangeable law” (Universal), because it was set by the Super Power, independent of the will of human beings, and – “the law which can be changed, changeable law” (Positive), because it is being set depending on the will of human beings. Why should we distinguish both of those Laws? Because they may not coincide with each other, and making “positive” rules without taking into account the rules of “Natural law” may cause a serious harm for the mankind, even fatal, lethal.

So, if the “Universal law” does not depend on the man’s will, we can only observe its action all over the world and try to adequately formulate its rules in order to avoid possible harm from not willingly disobeying them. It means, we have to pay attention to what happens round us and use our life’s experience, we can rely on the previous experience, making prognosis for the future. And that, in its turn, ensures some self-confidence, allows people to feel comfort in relations with the outer world.

Not such a case is with the “Positive law”. Here we can never rely on our life experience, can never pre-suppose the results of its rules, because they can be changed at will of the ruling party at any time. And the “will of the ruling party” highly depends on the temporal interests, dictated by the desire to keep the power in its hands.

It is clear, that the understanding and making understanding of law can be different by many reasons. First, as we know, there are different social groups, having different level of education, social and life environment, social and existential goals (including carrier), cultural development [11]. In other words, “philosophers of law recognize that it is one thing to be familiar with laws and legal systems, but it is

another to be able to analyze the concept of law” [10]. It is also one thing for a judge or lawyer to use legal reasoning, but it is something else to stand back and describe legal reasoning. It is one thing to hold persons legally responsible for their actions but something else, to be able to say what responsibility is [8,38; 10]. Philosophical inquiry has immediate effects on life and conduct. One can notice, that “judges who study legal reasoning are likely to carry out their job with heightened awareness of the resources appropriate to decision making. They will be more likely to engage other judges in debate about the purposes of legal systems, and about the limits of their own job in realizing those purposes. The citizen who has looked into the nature of responsibility may not be more responsible, but he or she will come to appreciate the dilemmas and compromises of criminal law and the complexity of human conduct” [10].

Even a brief look at the “problems of legal philosophy shows us that many of them are problems of normative political philosophy”. This means that they involve inquiry into what the relationship between persons and governments ought to be. In recent time some writers argue that governments exist to benefit their citizens and that any governmental action is justifiable to the extent that it contributes to general well-being. Others, and they seem not to be in minority, argue for a more limited role for government. They say that individuals are to be seen as having rights and that the actions of governments are limited by these rights. No action is justifiable if it interferes with the enjoyment of rights. In this view, governments exist to see that rights are protected and to promote wellbeing only when doing so does not involve infringement of rights. “To say that one has a “legal obligation” is to say that his case falls under a valid legal rule that requires him to do or to forbear from doing something” [8,38]. To say he has a legal right, or has a legal power of some sort, or a legal privilege or immunity, is to assert, in a shorthand way, that others have actual or hypothetical legal obligations to act or not to act in certain ways touching them [ibid]. Both of these theories, the theory of rights and the theory of maximal benefit, give primacy to individuals and argue that governments exist to serve individuals. Other theories, and to our opinion even more – practices, give priority to the state as

an end in itself. Such political theories have direct implications for the decisions of judges and legislators [10,1,2].

So, some of the people need to know the essence of the Law in order to *obey* it properly so that not to be punished, others – to *avoid*, and again so that not to be punished for that avoidance, thirds – to *manipulate* the behaviors of others, ruling them... Thus, we can hardly find anyone who never in his life had thought of the law.

But the scholars study the law from the universal point of view, so that to understand and to make understand it by the citizens helping them to avoid possible harm as a result of disobeying the “universal law”. Some notice, that the condition of the modern philosophy of law during the recent decades is considered to be critical or – being politically more correct – transitional [7,69]. Though, the “main question” of philosophy of law has still remained the same – comprehension of the essence of law, understanding of law. “Where is the criterion of justice of the law?” – is another additional question of philosophy of law, following out of the main question. And on the decision of that question depends the destiny of an individual: very often a formal obeying the law in a specific case obviously infringes the principle of justice or that of humanism [5]. However, at the end of the 20th century in connection with post-modern deviation in philosophy and social science a new crisis occurs: the philosophy of law under conditions of axiological relativism loses its significance for development of legal principles. The representatives of modern western “intellectual elite” mention about an increase of the crisis in the European legal tradition, change of paradigm, epochs of law development of western countries [ibid]. Though it should be noticed that the discussion concerning the essence of law forms the law itself, constructs its essence, thus philosophy of law constitutes by itself a means for construction of legal reality as a part of social reality [5; 3].

Legal education without philosophy of law? Actually, as it was mentioned above, the relations between human beings contain an indivisible ball of legal, moral, political, religious values and aspirations. The law does not give in to only one measure, to one and only correct definition, remaining imperceptible in the act of

scientific rationality and reflection. Its intuition is defined by those national and cultural images of sense, which a man absorbs from childhood. Thus juridical education, moving on and on away from philosophic and cultural context of the law in direction to legal positivism, that is that volume of education in humanities, to which the modern educational standard is restricted, going on and on away from the reality of human's life, creating a virtual system of senses of official law in prevailing system of social values [5; 9; 11].

There is an opinion [5], which we do not share, that “it should be recognized, that nowadays there is practically no one own inborn, original philosophic and theoretic legal thought, the task of which could be not a blind imitation of western models, but looking for our own way of law development, corresponding to the legal Weltanschauung of Russian people” [5, 67]. Though we accept, that “the deadlock of western European, liberal and individualistic philosophy of law becomes more and more obvious, and (to our mind – luckily) its main ideals have yet not turned to be “native” for the people of Russia” [ibid].

What is it going here about? If the law appeared as an outer regulator, reinforcing itself by coercion and force, then could the person in our time become up to the limit egocentric and irresponsible? This problem is not new for our time. Quite for about a hundred years ago, in the very beginning of 20th century, a famous crime researcher, Henry M. Boies, seeking the effective methods of positive influence on criminals, in the foreword of his work on Penology wrote such words: “The more familiar one becomes with the details of the attempts of the society to secure protection from criminals, from early times to the present, the more profoundly he is likely to be impressed with their inordinate cost and their inutility. Notwithstanding our tremendous expenditure of effort and money, crime continues undiminished, and popular apprehension unrelieved. The laws do not protect” [4]. And as a calling through the 20th century we hear till now: “When a great social grievance exists, it becomes everyone's duty to endeavor to discover its cause and cure. This responsibility has been very generally recognized”. Before that time, and since his

words were issued, a lot of books, scientific studies have been published which have so expanded our knowledge that it appears possible to propose a complete solution of the problem. Yet the problem takes its greater dimension.

One could think, why then at present time, since more than one hundred years, the scholars continue their studies, seek for the most effective influence on the criminals, and develop new and new laws? For sure, the pessimism, which ruined Boies, at our days has obviously much more grounds. Does it mean then, that we should stop the experience of law studies, including crime studies and of methods of influence on it? We think, just on the contrary. The studies should take more covering scale, because at the present time we observe more and more integration of countries during the process of globalization. Interpenetration of legal systems has its noticeable advantages, though not without some lacks. But the hope for that the study of a positive experience of influence on the crime will give its positive results, also grows up. Why? Because the culture takes a unifying character. Following the tendencies in mass media, we can be convinced, that consumer needs are almost all already leveled. Similar tendency is noticed in the condition of spiritual needs. Thus, the influence is supposed to be more and more unified.

“National” vs. “international”? In the recent time very often, when speaking about the international process of democratization, the key link of which is the problem of human and citizen’s rights, the term “universal values” is used. Say, just the availability of “universal values” dictates that or another behavior of governments of different countries, including Russian Federation. Moreover, such a behavior of the government had been even legally established in the article 15 of the Constitution of RF of 1993, where it says about the priority of international norms (i.e. “universal values”) before the national norms. Let us record for ourselves this premise: by this, it is declared that the “common” (“international”) prevails comparing to the “private” (“national”).

It is known, that the law, as regulator of social relations, appears there, where, figurative speaking, there are at least two of human beings. In the society, as in one and unified organism, with diversity of individuals, it is now unthinkable how to get

the social life going without such a regulator. Small societies (micro-sociums, social groups, collectives of workers) have their own rules of common living. Bigger societies (macro-sociums) have already to take into account the diversity of their components, i.e. of micro-sociums, social groups etc. And, if when developing unified norms within the frames of more or less homogeneous in ethnic, religious, racial etc. structure of society (e.g. Korea, Japan, Germany, Spain et al.) due to that same homogeneity there are no specific problems, where then in the countries with multi-national, -confessional, -racial etc. societies (e.g. Russia, China, India, Indonesia, USA) even the development of inner law norms gets a rather difficult character. A corresponding taking into account that diversity within certain unity for successful decision of the task here presupposes some skills in regarding of legal and cultural traditions, customs of micro-sociums etc.

One can hardly question, that the modern world shows stable trend to reinforcing of interconnections between different countries and folks. And we become witnesses how today very often the ignoring of diversity even causes military conflicts, where the role of payment for an inexpert solution of such conflicts play the lives of human beings. It is clear that it is impossible to reach a situation fully without conflicts. Some suppose that conflicts are unavoidable, moreover they make the people better their conditions. Undecided problems force the society to find the most optimum decision. The task of the law is namely that to bring to a minimum the number of victims from occurring conflicts. Russian philosopher V.S. Solovyov making distinction of law from morality said in his figurative expression, that “the task of the law is not to turn the world lying in the evil into the Kingdom of Heaven, but to make all possible that it (the world) for the time being did not turn into the hell”. The point of the thought of Solovyov is made more understandable in his another expression: “The law is the lowest limit, some minimum of morality, binding for all” [4]. The way to integration of countries is rather a difficult one and requires, apart from anything else, a new political, legal and common understanding or comprehension of reality. The law should be regarded as “a universal means to put social relations in good order and to socially control over deviating behavior”.

Prohibition as a means of social control, should be added by, though for the time being primitive one, but moral obligation to hold in check active actions. The human rights had become far more not equal for different social strata and groups of Russian population as well as of other countries. Consequently, a twofold or even threefold scale for the evaluation of those rights can be observed. We can see an alienation of some people from the social power and merging with it of the others [4].

Philosophy of law in the global world. The experience of philosophy of law puts a philosopher into the role of some mediator, who tries his best to reconcile the parties in a conflict. The activity of philosophers of law on international level, within the world's socium (association) exerts a great influence upon formation of norms of international law. It might seem strange enough that European lawyers, dealing with continental law, "always preferred and welcomed the priority of statute law", while the English or American lawyers, "trying all ways to avoid the statute law", always felt themselves "more comfortable, when dealing with the case law, precedent law".

Among scholars there is an opinion, that the deficit of philosophy of law among lawyers, their enthusiasm for analysis of legal acts or statutes instead of more profound penetration into the law principles makes up a lot of obstacles on the way of a proper juridical education, fairly mentioned, that in everyday life a juridical experience at one and the same time can imply a logic form, economic interest and ethic axiological positions [5,67]. Other scholars still believe that the turning of philosophy of law to the practice might show us a way out of the crisis. The practices of subjects of law are supposed to be mass and repeatedly occurring legally significant acts of subjects of law, formed on the basis of social conceptions about typical legal situations. They grow up as sedimentations and habitualness of an individual experience in correlation with the images of the due, which in their turn appear on the basis of law norms, methodology of application of law norms, recommendations of experts etc. Legally significant practices occur on the basis of social conceptions for law and form (or even re-form) new social images, stereotypes of law [7,73]. As applied to the law, social conception means an image, predominant

within the given culture (subculture) of a society (or of part of it), concerning typical legally significant situation. Such an image produces categorization and qualification of a situation as a legal one – lawful or unlawful – and sets a frame for the due or proper behavior **[ibid]**.

However, the law exists in a symbolic form of social conception and mass practices, realizing it. Thus, the action of law is a transformation of norms into predominant practices and personal or individual knowledge, but not juridical power of a normative legal act. The existence and activity of law – it is always activity of people who reproduce information which is contained in symbolic form of a rule of behavior. As subject of law can be a man and only a man, but not an impersonal legal status. A man in the legal reality (in legal relations) represents either himself (and in this case he is called “physical person”), or a post or an office (being public official), or a collective unity – collective subject **[7,74,75]**. All mentioned above let form for some scholars a conclusion, that the ‘practical turn’ in philosophy of law is the most promising way to overcome the dragged on crisis **[7,75]**. It should be noticed that we do not share that optimism.

Some other authors state that social relations have two sides, and accordingly, two notions for justice. On the one hand, there are institutes of marriage and family, economics and education, which are called ‘objective justice’ and, in the case of the law and state, - “political justice” **[1,193]**. That developed countries infringe the rights of the power countries all over the world, and the references to the international law norms become unsuccessful method for finding grounds for those infringements **[1,195]**. We may accept that, first, international law by itself does not lead to new obligations for justice, but international law (may and) should be the basis on which the constructions of relations of justice become possible; second, international organizations can be indeed useful in striving for justice, even in spite of the fact that they do not create new norms of justice; and, finally, international law system, as well as national one, is the main institute of justice due to its capability to define individual material resources and make influence on the vital activity of all

individuals [1,199]. At present time the international law is often used as the means, by which some states find ground for their unjust actions towards each other, including military actions and interventions. Unfortunately, this law does not intend the foundation of some collective agent, having sufficient power to hold the states in check [1,202].

Conclusions. The task of the present research is limited. On the other hand, we made an effort to attract attention of scientific society, scholars and students, which could help to keeping philosophy of law between the law school educational subjects, thus contribute to mastering national legal norms as well as legal policy. Because the philosophers of law do not have a task to explain, whose law system is better or worse, they know that all the law systems are imperfect. Our goal was – looking for the ways of better regulation of social relations through mastering of our national system of law education and law system. And, to our mind, without knowing the basic principles of the law these ways will lead to nowhere.

References

1. Альбов А.П., Булавина М.А. Современное международное право и глобальная справедливость: оксюморон или новая нормальность. // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С.192-203. (Albov A.P., Bulavina M.A. (Modern International Law and Global Justice: Oxymoron or New Normal)// Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovaniy (Russian journal of legal studies). 2017. № 1(10). Pp.192-203.

2. Вашкевич Н.Н. Всемирный периодический закон. Введение в смысловую логику. М., 2010. (Vashkevich N.N. Vsemirniy priodicheskiy zakon. Vvedeniye v smyslovuyu logiku. Moscow, 2010. (Universal Recurrent Law. Introduction to the Logic of the Sense.)

3. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Некоторые теоретические обоснования развития уголовного права в современной России. // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С.177-182. (Ivanov A.M., Korchagin A.G. Nekotoriye teoreticheskiye obosnovaniya razvitiya ugolovnogo prava v sovremennoi

Rossii (Some Theoretical Grounds of Development of Criminal Law in Modern Russia) // Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovanij (Russian journal of legal studies). 2017. № 1(10). Pp.177-182.

4. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Пути развития уголовного права до начала XXI века. Сравнительный анализ: монография. Lambert Publishing, 2014. 316 с. (Ivanov A.M., Korchagin A.G. Puti razvitiya ugolovnogo prava do nachala XXI veka. Sravnitel'nyy analiz: monografiya. Lambert Publishing, 2014. 316 p.)

5. Овчинников А.И. Основные направления, задачи и цели философии права: история и современность. // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С.63-68. (Ovchinnikov A.I. Osnovniye napravleniya, zadachi i tseli filosofii prava: istoriya i sovremennost. (The Main Directions, Tasks and Objectives of the Philosophy of Law: History and Modernity)// Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovanij (Russian journal of legal studies). 2017. № 1(10). Pp.63-68.

6. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. С-Пб., 1998. С.26-27. (Trubetskoj E.N. Entsiklopediya prava. Saint-Peterburg, 1998.)

7. Честнов И.Л. Практический поворот в современной философии права. // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С.69-76. (Chestnov I.L. Prakticheskij povорот v sovremennoj filosofii prava (Practical Turn in Contemporary Philosophy of Law) // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С.69-76.

8. Dworkin R.M. Is Law a System of Rules? // The Philosophy of Law. Edited by R.M. Dworkin. - Oxford Univ. Press, New York, 1977. Pp. 38-65.

9. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals. // The Philosophy of Law. Edited by R.M. Dworkin. - Oxford Univ. Press, New York, 1977. Pp.17-37.

10. Morawetz T. The Philosophy of Law. – New York, 1980.

11. Surya Prakash Sinha. What is Law? The Differing Theories of Jurisprudence. – New York, 1989.

УДК 340.12

ГРНТИ 10.07.27

К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ПУТЕЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Алексеев Алексей Викторович

теолог, юрист

г. Владивосток

SPIN-код РИНЦ: 9614-8834

ORCID: 0000-0002-0739-9048

Google Scholar: tender6766@gmail.com

TO THE QUESTION OF SEARCHING FOR WAYS OF LEGAL UNDERSTANDING

Aleksey V. Alekseev

theologian (specialist), jurist

АННОТАЦИЯ

В статье представлен альтернативный взгляд на правопонимание, автор анализирует возможные пути решения методологических проблем исследования права.

ABSTRACT

The article presents an alternative view of the legal understanding, the author analyzes possible ways of solving methodological problems of law research.

Ключевые слова: право; правопонимание; философия права; типология; методология; синтез;

Key words: law; legal understanding; philosophy of law; typology; methodology; synthesis;

В современном мире проблемы понимания, толкования и познания права волнуют души и умы многих исследователей – жаждущих истины. В связи с влиянием мировоззрения исследователя на плоды своего труда не удивительно, что представления о праве менялись на протяжении веков. Более этого, одни

исследователи относят процесс понимания к функциям познания, а другие в правопонимании видят элемент правопознания.

В таком противоречивом мире и ведутся исследования, посвященные многообразию типов правопонимания. Многообразие позволяет увидеть с разных сторон гармонию и ценность права, но с другой стороны может спровоцировать и неразумный плюрализм, лишая здравого единодушия его исследователей. При поиске ответов на насущные проблемы правопонимания авторы используют различные методы. История и философия науки выявили множество научных подходов. Цель таких поисков, как принято это считать, прийти к истине. По дороге к истине обновляются знания о понимании права, обобщаются методы, а после апробации определяются приемлемые для гражданина - налогоплательщика соответствующие типы (принципы, концепции) правопонимания, ученые публикуют свои «открытия» и делают вклад в формирование правовой культуры страны, естественно, с учетом интересов государства и его правовой политики. На этом фоне заметно выделяется непрерывность процессов правопонимания у всех участников этого высокоинтеллектуального труда.

«Все подлежит непрерывному развитию и изменению: и вода, и земля, и растения, и животные; и сами люди постоянно изменяются, развиваясь и внутренне, и внешне... все вещи и все люди в сущности неодинаковы, хотя отчасти могут походить друг на друга и взаимно напоминать друг друга; но происхождение от разных предков и родителей, различное воспитание, строение тела, характер души, личные способности и склонности - все это делает каждого из нас единственным в своем роде и неповторяемым» - писал известный русский религиозный философ права И.А. Ильин [2].

В условиях постоянных перемен и неповторимости каждого человека ученые разделили правопонимание на различные типы. Это привело к еще большему количеству вопросов у современников, которые рассматривают типы правопонимания как стратегически важный предмет правовых исследований.

Как известно, типология - метод научного познания, направленный на разделение некоторой совокупности объектов и их объединение в некоторую упорядоченную группу с помощью типа, то есть обобщённой, идеализированной модели. Составление типологий и классификаций – один из наиболее древних общенаучных методов познания мира. Типология возникает уже в период Античности, где складывается представление о типе как неизменной, вечной идеальной сущности, которая предшествует существованию вещей (Платон) или существует в вещах (Аристотель), проявляется в видовых или индивидуальных различиях в качестве идеального прообраза, плана, нормы. С развитием идеи эволюции особое значение приобретает понимание типа во времени (историческом смысле). Далее тип понимается как особое методологическое средство, которое позволяет создавать модель изучаемых объектов [7].

Москвитин А.Ю. в выводах своей диссертации считает, что не типология строит типы, а тип предопределяет и типологическое исследование, и типологическую ситуацию в социальном познании [4]. При этом типология здесь определяется как сложноорганизованный феномен познания. Так типология наряду со многими другими научными методами пытается проложить дорогу к правильному, т.е. правдивому пониманию.

А ведь ПРАВДА в русской народной и философской культуре - узловое синтетическое понятие, обозначающее абсолютную истину. Правду искал и И.А. Ильин, который писал о естественном правосознании для развития идей теории естественного права, провёл глубокий теоретический анализ сущности и истоков права, его связи с правосознанием и с понятием «сила» [2].

А.И. Овчинников говорит «о российской правовой самобытности и призывает читателя понять, что главное для русского человека - Правда и Истина, не сводимая к формально-правовому равенству и букве юридических предписаний». В.В. Лапаева в своем труде указывает, что метод герменевтического правопонимания у А.И. Овчинникова носит

иррациональный характер, что исключает выработку самостоятельного типа правопонимания [3, 365].

Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки утвердила паспорт научной специальности на новую научную специальность «теология», поэтому личный опыт веры, священные тексты и теологические методы открывают новые возможности для исследований, ранее не признаваемые светской и постсоветской наукой.

В свою очередь, будущие юристы узнают в учебнике по теории государства и права различные типы правопонимания, где, например, нормативному подходу к праву отводится самое «пригодное для отражения его инструментальной роли» место [6]. Влияние нормативного понимания права в юридическом образовании не вызывает сомнений. Для многих такой подход (и метод) вполне естественный (не естественно-правовой), нормативное понимание права может влиять и на методы толкования права.

Следует вспомнить, что в зависимости от уровня правосознания выделяют обыденное, профессиональное и научное (доктринальное) толкование. Можно добавить, что мнение органов власти периодически противоречит «народной правде», которая появляется на свет у обычных людей в результате обыденного (простого) толкования правовых норм. При этом, обыденное толкование (а это большая часть населения страны) даже в среднесрочной перспективе вряд ли изменится. Тем более, что наш радостный и многострадальный народ формально к праву относиться не будет по причине генетически и исторически «своего», а не навязанного извне, правопонимания.

«Не скучают» и ученые с развитым правосознанием и высокой правовой культурой, которые в условиях социальной напряженности в последнее время испытывают научный и мировоззренческий кризис из-за необходимости соотнести своё правопонимание с понятиями добра и зла в реальной жизни. Законодатель, к сожалению, не может нормативно разъяснить соотношение реформы науки и образования с социальной справедливостью, нравственностью и правдой. Ученые не знают, что их ждет завтра и часто

переключаются на экономически перспективные направления. Некоторым удается совместить приятное с полезным. В таких кризисных условиях можно наблюдать ускорение процесса правопонимания ценителей и теоретиков права, которые всё чаще размышляют о правде и праве, их ценности в глобальном мире. А поскольку любая теория (в т.ч. правовая) - это развивающаяся система знаний (включающая и элементы заблуждения), то энтузиастам надолго обеспечено поле исследований для «спасения» себя и нашего народа.

На постсоветском пространстве исследователи предпринимают «попытки уйти от классической парадигмы и найти синтезированное правопонимание» [3, 175]. Однако в условиях плюрализма проблема у интегративного правопонимания может возникнуть в связи с тем, что «попытки соединить разные принципы, то есть разные основополагающие идеи, неизбежно обречены на провал» [3, 354]. В итоге «путем простого соединения социологического и легистского или легистского и естественно-правового подходов к пониманию права мы не получим работающую, то есть дающую прирост научного знания, теоретическую конструкцию, а будем лишь множить недостатки, присущие каждому из этих подходов в отдельности. При этом, многообразии различных характеристик права должно быть соединено и увязано в рамках целостного, логически непротиворечивого понятия» [3, 355].

Вопрос методологического поиска синтеза типов правопонимания представлен в монографии «Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики Российского государства» [5]. В работе авторский коллектив пытается комплексно подойти к проблеме правопонимания с учетом таких правовых категорий как «правовое мышление», «правопознание», «толкование права» и др.

Следует отметить, что толкование часто относят к средству достижения понимания, но без понимания невозможно правильное толкование. Так можно говорить об определенной обусловленности и причинно-следственной связи данных процессов. Глубокая связь правопонимания и толкования права

позволяет иначе взглянуть на решение методологических проблем правопонимания.

При определении природы толкования права Долголенко Т.Н. пришла к выводу о том, что решение задачи по исследованию процесса толкования в рамках одной из правовых традиций (методологии классических типов правопонимания) представляется несколько не эффективным в силу ограниченности восприятия правовых категорий каждой из них [1]. В данной работе автор упростил решение проблемы, используя диалектический метод познания, проанализировав суть процесса толкования права в категориях «сущность и явление», «содержание и форма». Это позволило исследовать самостоятельные, но тесно взаимосвязанные между собой «субстанции».

Можно отметить, что кроме анализа диалектических пар возможно изучение объекта в результате их объединения, такой подход значительно упрощает философу права дорогу к образу целостного толкования и правопонимания по сравнению со сложной задачей по синтезу различных типов правопонимания.

Выводы:

1. Несмотря на кризисные явления в обществе предпринимаются определенные усилия, чтобы разрешить с использованием типологии правопонимания существующие проблемы понимания права. Но часто упускается из виду тот факт, что не типология создает типы правопонимания, а тип правопонимания предопределяет типологическое исследование и типологическую ситуацию в познании права.

2. Огромное внимание проблемам различных типов правопонимания не способствует развитию альтернативных методов исследования правопонимания. Типология – это феномен познания и научный метод, который требует совершенствования посредством различных инструментов философской науки.

3. Типология правопонимания и различные теории права претерпевают изменения и имеют определенные недостатки, о которых необходимо знать юристам-практикам.

4. При попытках синтеза или формировании смешанного типа правопонимания «новая система» может унаследовать недостатки исходных теорий и методов.

5. Выделение и объединение в теорию правопонимания светских достижений науки в условиях непрерывности процессов правопонимания и кризиса мировоззрения может привести к «угасанию» классических типов правопонимания в научном мире, если наука не обратит пристальное внимание к потенциалу понятия «Правда», которая живет в душе нашего народа.

6. Решение методологических проблем правопонимания лежит через философско-правовой подход с использованием философских («сущность и явление», «содержание и форма», «эстетика» и др.) и правовых («правовое сознание», «толкование права» и т.д.) категорий. Более этого, философия и теория права получили возможность использования достижений теологической науки и ее методов.

7. Использование в научных работах образов и понятий, которые могут быть восприняты постсоветской наукой иррациональными (Любовь, Истина, Вера) «одухотворят текст», проложат путь к сердцу человека с обыденным толкованием права. А профессионалы и ученые-правоведы, ознакомившись с такими трудами, смогут пережить священную ценность и духовную природу права.

Список литературы

1. Долголенко Т.Н. Определение природы толкования права с позиций классической методологии. // Академический и вузовский юридический научный журнал. 2012. № 1 (46). С. 23.

2. Ильин И.А. Понятия права и силы. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с. [<http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru>] [Дата обращения 30.06.2017].
3. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. — М.: Российская академия правосудия, 2012. – 580 с.
4. Москвитин, А.Ю. Основные принципы общей теории типологии и их применение к анализу типологических проблем в социальном познании: Дис ... канд. философ. наук. 09.00.01. – Владивосток. [<http://www.dissercat.com/content/osnovnye-printsipy-obshchei-teorii-tipologii-i-ikh-primenenie-k-analizu-tipologicheskikh-problem-v-socialnom-poznanii>] [Дата обращения 30.06.2017].
5. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. и др. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики Российского государства: монография / Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 190 с.
6. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник для бакалавров – М.: Проспект, 2014.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — [<https://iphlib.ru/greenstone3/library/>] [Дата обращения 30.06.2017].

РЕЦЕНЗИИ

УДК 101.1; 21.31.41

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ И.В. МЕЗЕНЦЕВА «МОЖЕТ ЛИ ХРИСТИАНСТВО БЫТЬ ВНЕ ФИЛОСОФИИ?» АНАЛИЗ СПОРА О ФИЛОСОФИИ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНЫМИ И СВИДЕТЕЛЯМИ ИЕГОВЫ»

Каменев Сергей Валентинович

*кандидат философских наук
заведующий кафедрой социологии и философии,
доцент, профессор МГУ им. Г.И. Невельского,
г. Владивосток*

REVIEW OF ARTICLE OF IVAN V. MEZENTSEV «CAN CHRISTIANITY BE OUT OF PHILOSOPHY?» ANALYSIS OF THE DISPUTE ABOUT PHILOSOPHY BETWEEN THE ORTHODOX AND JEHOVAH'S WITNESSES»

Sergey V. Kamenev

*Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.)
Associate Professor
Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy,
Vladivostok*

Рецензируемая статья относится, по-видимому, к жанру религиозно-публицистической публицистики. Не претендуя на серьезную профессиональную оценку убедительности доводов автора и деталей

аргументации в разборе библейских текстов, считаем возможным сформулировать несколько замечаний по существу представленного материала.

Первое. Взаимные упреки в искажении Священного Писания являются давним и привычным аккомпанементом векового противостояния различных христианских конфессий. Попытки их примирения средствами рационального дискурса вряд ли могут оказаться успешными. Тем более, что в православии за многие века его существования действительно сформировалась мощная рационализирующая составляющая, которая, по-видимому, особенно неприемлема для представителей гораздо более юного протестантизма, горячо отстаивающего лютеровский тезис о «спасении одной верой».

Второе. Не вызывает возражение авторский тезис о «философичности» любого религиозного рвения. И религия, и философия ориентированы, в конечном счете, на разрешение предельных мировоззренческих вопросов. Однако пути духовного подвижничества у них существенно разнятся. Философия идет по пути критической рефлексии над основаниями культуры, тогда как от христианина требуется богооткровенный «подвиг веры». Протестантские оппоненты автора в определенном смысле правы в своем убеждении, что рефлекслирующая позиция философствующего сознания снижает накал духовного напряжения в предстоянии верующего перед Высшим началом.

Третье. Бог в христианстве: и в функции творящего начала, и в функции нравственного абсолюта, изначально иррационален и непостижим, поэтому тезис автора о том, что христианский Бог – философ представляется еще менее убедительным, чем трактовка, основанная на убеждении Галилея в том, что Господь – математик. (Заметим, что гностики не возражали бы против такого толкования). Путь к истине через библейскую мудрость – это путь иррациональной веры, а не критической рефлексии. Поэтому склонность автора трактовать библейский текст как философский выглядит приемлемой лишь на уровне примитивизирующего обыденного толкования философии как «продуманного отношения к миру» (цитируем автора статьи). Здесь трудно не

согласиться с Августином Блаженным, утверждающим безусловную первичность и приоритет веры, которая в разуме не нуждается, но служит для него необходимой основой.

Четвертое. В тексте в полной мере находит отражение горячая заинтересованность автора, что отражается в стиле изложения: в тексте много разговорных слов и речевых оборотов, вопросительных восклицаний и восклицательных утверждений. Думается, что подобная стилистика уместна в публицистических сочинениях, но рискованна в научных работах.

В целом, статья И.В. Мезенцева «Может ли христианство быть вне философии? Анализ спора о философии между православными и свидетелями Иеговы» может быть рекомендована к изданию в разделе публицистических и полемических эссе и статей.